А. С. Стыкалин

ДЬЕРДЬ ЛУКАЧ КАК ЛИТЕРАТУРОВЕД, ФИЛОСОФ И ПОЛИТИК: ВЗГЛЯД ИЗ МОСКВЫ В 1940-Е – 1970-Е ГОДЫ

При всем колоссальном объеме литературы о Дьерде Лукаче (1885-1971), изданной на разных языках в разных странах, не так уж много в сущности серьезных документальных публикаций, отражающих восприятие современниками творчества классика марксистской эстетики XX в. на том или ином отрезке его длительного жизненного пути [1]. Целые пласты обширной темы "Дьердь Лукач глазами современников" остаются до сих пор непроработанными, а наиболее ощутимый, пожалуй, пробел связан с восприятием личности и работ Лукача в СССР после второй мировой войны – не только официальными партийно-идеологическими инстанциями, но и в литературных, философских кругах.

Введение в научный оборот документов из российских архивов позволяет не только реконструировать во всей его неоднозначности образ Лукача, сложившийся в Москве, но и расширить источниковую базу исследований послевоенного, заключительного этапа творческой деятельности этого крупного философа и литературоведа, дополнив новыми, весьма существенными штрихами его биографию. В ряду наиболее интересных документов – записки о Лукаче, составлявшиеся в 1940-е – 1980-е годы для руководящих идеологических структур ВКП(б)-КПСС. Именно они с наибольшей полнотой отражали (и в то же время в определенной мере формировали) господствовавшее в СССР на протяжении десятилетий официальное мнение об этом известном во всем мире интеллектуале-марксисте. Документы также раскрывают, как информировали руководство МИД о деятельности Лукача работавшие в Венгрии и Восточной Германии советские дипломаты, что писали о нем в своих отчетах в Министерство культуры и Иностранную комиссию СП СССР выезжавшие в эти страны советские литераторы и деятели культуры. Из документов становится ясным, как под влиянием поступавшей по различным каналам информации складывалось отношение к философу в Кремле и на Старой площади, какие меры предпринимались в целях нейтрализации влияния на советскую творческую интеллигенцию некоторых казавшихся крамольными лукачевских идей. Выясняется также, при каких конкретных обстоятельствах в 1949-1950 и 1958-1959 гг. были организованы далеко перешагнувшие границы Венгрии кампании критики Д.Лукача с позиций более ортодоксального марксизма, какова была роль советской стороны в их осуществлении, какой отклик находили они в СССР.

За творчеством и политическими шагами Лукача идеологи КПСС следили неослабно. Даже тогда, когда в его отношениях с венгерскими властями наступил период сближения, официальная Москва продолжала видеть в нем потенциальный источник "уклонизма" в коммунистической идеологии и марксистской эстетике (не только в венгерском, но в международном масштабе). В то же время мнение о Лукаче было не совсем застывшим, ибо каждая новая его работа, каждое заметное его интервью и каждый важный политический жест (например, участие в правительстве Имре Надя осенью 1956 г. или отклик на военное вмешательство в Чехословакии в 1968 г.) дополняли сложившийся имидж новыми существенными штрихами. Кроме того, на отношении к венгерскому философу в Москве сказывались сама эволюция советского режима в 1940-1970-е годы, равно как и соображения политической конъюнктуры, связанные с возможностью использования тех или иных его работ (например, "Низвержения разума") в идеологических дискуссиях с Западом.

---

[1] Имеющиеся содержат в первую очередь материалы из прессы, но не архивные документы, впервые вводимые в научный оборот: Lukács-recepció Nyugat-Európában (1956-1963). Archivumi Fuzetek III. Szerk. Tallar F. Bp., 1983; Der junge Lukács im Spiegel der Kritik. Bp., 1988.

На восприятие Лукача после войны наложило отпечаток и то обстоятельство, что его хорошо знали в СССР как человека, проведшего долгие годы в советской эмиграции (1930-1931, 1933-1945), активно участвовавшего в литературной и философской жизни СССР. Дискуссия 1939-1940 гг. вокруг книги Д.Лукача "К истории реализма" была памятна советским литераторам (да и более широкому кругу интеллигенции) и после войны [2], а последовавшее за ней постановление ЦК ВКП(б) о журнале "Литературный критик" сохраняло свое действие до середины 1950-х годов. Таким образом, в СССР Д.Лукач воспринимался не просто как иностранный интеллектуал, каждая новая критика его работ (читавшихся теперь, как правило, несравнимо более узкой, сугубо профессиональной, владеющей немецким и английским языком аудиторией) оживляла в памяти старые споры, возрождала старые стереотипы.

Во Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей (ВОКС), которое в сталинские годы было главным институтом общения с зарубежной интеллигенцией, сразу же после отъезда философа из СССР в августе 1945 г. внимательно стали следить за каждой новой работой Лукача и за его общественной деятельностью, интересовались его творческими планами [3]. Активно сотрудничавшая с ВОКСом дочь репрессированного коммуниста Белы Куна переводчица Агнесса Кун (Анна Краснова), считавшаяся наряду со своим мужем Анталом Гидашем главным в Москве экспертом по венгерской культуре, докладывала в своей записке, переадресованной ВОКСом в более высокие инстанции: "Лукач особенно завоевал уважение и пустил корни в реальную почву венгерской культуры, его вряд ли могут считать просто перелетной птицей, которая наспех свила гнездо, выпустила быстренько свои книги, заняла ветку и теперь чирикает. Нет, Лукач за это время сумел занять свое собственное место, сумел создать себе имя, с ним считаются как с крупнейшим теоретиком марксистского течения в Венгрии" [4]. В той же записке содержалась

---

[2] Дискуссия эта оказалась не совсем проходной и совсем не типичной для сталинского времени по постановке проблем. Поскольку она развернулась в те месяцы, когда во всем мире (не в последнюю очередь в "стране победившего социализма") отмечалось 150-летие Великой Французской революции, естественно, она не могла обойтись без обращения к этому выдающемуся историческому событию – не только с точки зрения его влияния на художественное сознание эпохи, но и в более общем плане. Вполне закономерно (хотя и довольно неожиданно) дискуссия перерастает рамки обсуждения литературы, выходит, в частности, на проблему Термидора – не просто как конкретного контрреволюционного переворота 1794 г., а как символа перерождения революционной власти. Между тем, всего за несколько месяцев до начала дискуссии, 23 августа 1939 г., был заключен договор СССР с фашистской Германией, повлекший за собой полный отказ от антифашистской пропаганды и даже преследование тех, кто на ней настаивал. Это событие как никакое другое могло навести современников на далеко идущие размышления о глубоком перерождении власти, легитимизированной событиями октября 1917 г., отступлении ее от идеалов большевистской революции. Таким образом, за рассуждениями участников дискуссии о событиях 150-летней давности даже невооруженным глазом легко прочитывались современные аналогии, и в результате напрашивалась постановка вопроса о соотношении преемственности и разрыва между Лениным и Сталиным, революцией 1917 г. и реалиями сегодняшнего дня. Этот крайне нежелательный поворот в ходе дискуссии, не сразу обнаруженный бдительными идеологическими цензорами, только ужесточил реакцию властей - журнал "Литературный критик", главная трибуна Лукача и его соратников, был закрыт, как известно, в конце 1940 г.

[3] "Уважаемый господин профессор!
Из австрийской прессы мы узнали о том, что Вы прочитали в Вене доклад о "Кризисе современной философии".
Эта тема нас здесь очень интересует. Просим Вас прислать нам стенограмму этой лекции на немецком языке.
Если Вы нуждаетесь в какой-либо литературе для Вашей лекционной деятельности, сообщите нам и мы постараемся выслать все, что возможно.
Мы были бы рады узнать, над чем Вы в настоящее время работаете.
Желаем Вам дальнейших успехов в Вашей деятельности.
С дружеским приветом", – писала Лукачу 5 августа 1947 г. член Правления ВОКСа Л.Кислова. См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.5283. Оп.17. Д.136. Л.41.

[4] Там же. Д.126. Л.209.

резкая критика Лукача за нечеткость идейных позиций, недооценку современной советской литературы и особенно за "явно неудовлетворительную" линию журнала "Форум", фактически им редактировавшегося. Особое возмущение рецензента вызывала систематическая пропаганда в журнале творчества Тибора Дери. Опубликовав рассказ, в высокохудожественной (по признанию А.Кун) форме передающий животный страх венгерского обывателя перед Красной Армией, "журнал занял враждебную позицию уже не только в области искусства, но и в области политики" [5].

Через два года фигура Лукача оказывается в центре внимания уже не только обзоров культурной жизни Венгрии, но и политических донесений. Летом 1949 г., когда в Будапеште во устрашение любых проявлений оппозиционности новой власти готовился по образцу известных московских судилищ 1936-1938 гг. показательный процесс по делу видного деятеля компартии Ласло Райка, Лукач также попадает под прицел карательных органов. Лидеры партии М.Ракоши и М.Фаркаш 11 июля в беседе с эмиссаром ВКП(б) С.Заволжским не скрывали своих планов: "После окончания дела о Райке, заявил т. Фаркаш, возьмемся за идеологические вопросы. Прежде всего мы должны разоблачить идеалиста и космополита – Лукач Дьердь. С этой целью в центральной газете и теоретическом органе партии будет напечатано несколько статей по различным теоретическим вопросам. Затем будет вынесено решение Политбюро. Все трудности состоят в том, что у нас очень мало подготовленных теоретически товарищей" [6]. В Москве такие планы воспринимались с удовлетворением. Ведь за месяц до этого, 11 июня, на совещании в МИД СССР, где речь шла о положении в Венгрии, отмечалось, что Лукач, в свое время критиковавшийся В.И. Лениным, "сейчас подвизается на идеологическом фронте Венгрии и в своих лекциях и статьях протаскивает антиленинские установки в вопросах эстетики, литературы и культуры". Из этого делался вывод, что "развертывание идеологической борьбы в Венгрии против троцкистов и других антимарксистских элементов является насущным делом" [7]. В сентябре 1949 г., в самый разгар истерии, связанной с "делом Райка", по инициативе МИД СССР Институт философии АН СССР подготовил для ЦК записку о Лукаче. Ее подписал тогдашний директор института видный работник сталинского агитпропа академик Г.Ф. Александров. Хотя последний по возрасту не мог участвовать в дискуссиях 1920-х годов вокруг знаменитой работы Лукача "История и классовое сознание", в записке, им подписанной, ощутимы отзвуки тех дискуссий, особенно живучим оказался тезис о "гегельянстве" Лукача [8].

Развязанная в Венгрии "дискуссия о Лукаче" вскоре перекинулась в Восточную Германию [9], вызвала отклик в ряде других народно-демократических стран [10], ее много

---

[5] Там же. Д.129. Л.65.

[6] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.575. Оп.1. Д.188. Л.148.

[7] Архив внешней политики Российской Федерации (АВПР). Ф.077. Оп.29. Папка 137. Д.56. Л.32.

[8] Больше всего возмутило Александрова то, что на 45 страницах своего предисловия к венгерскому сборнику "Маркс и Энгельс об искусстве" Лукач ни словом не обмолвился ни о ленинском принципе партийности литературы, ни о новейших постановлениях ЦК ВКП(б) в области литературы и искусства, ни о "маразме буржуазной культуры", превосходство над которой советской культуры старый "путаник", "эклектик" и "космополит" Д.Лукач упорно отказывался признать (Там же. Папка 134. Д.26. Л.117-124. Полностью опубликовано нами на венгерском языке: Múltunk, 2001. N.4. 252-256.o.).

Еще 30 апреля 1949 г. временный поверенный в делах СССР в Венгрии А. Тишков направил в МИД СССР экземпляры книги Лукача «Литература и демократия», составленной им антологии на венгерском языке «Маркс и Энгельс. Искусство и литература», а также копии ряда журнальных и газетных статей Лукача вместе с запиской, излагающей ряд критических замечаний в адрес философа. Эти замечания составил сотрудник отдела пропаганды Центрального Руководства ВПТ Геза Кашшаи, просивший, чтобы его имя осталось неизвестным. Как отмечал в сопроводительном письме советский дипломат, «опасения Кашшаи Геза за свою судьбу и положение в партии еще раз показывают то влияние, которым пользуется Лукач в руководстве ВПТ» (АВПР. Ф. 077. Оп. 29. Папка 134. Д. 26. Л. 12-13).

[9] Осенью 1949 г. газета Советской военной администрации в Германии "Теглихе рундшау" опубликовала статью В.Хариха с критикой Г.Лукача, незадолго до этого выступавшего в Веймаре на торжествах по случаю 200-летия со дня рождения И.-В. Гете. Автор призывал не объявлять работы Лукача "альфой и омегой" марксистского литературоведения, а показывать ограниченность его взглядов, содержащих пережитки буржуазной идеологии. В своей трактовке творчества Гете как выразителя национального единства Германии и

комментировали в западной прессе [11], некоторый резонанс она получила и в СССР: в конце января 1950 г. руководитель Союза советских писателей Александр Фадеев на собрании актива своего творческого союза подверг Лукача (всегда указывавшего на подвижную связь между мировоззрением и творческим методом) резкой критике за недооценку роли передовой идеологии в творчестве, пренебрежительное отношение к современной советской литературе [12].

Лукачу пришлось, как известно, выступить с самокритикой, хотя большей части обвинений он не признал, согласился прежде всего с упреками в недостаточном внимании к советской литературе, обещая в ближайшем будущем восполнить этот пробел [13]. Согласно версии советского посольства, избежать более суровой участи "троцкиствующему идеалисту" Лукачу помогло некоторое заступничество его бывшего ученика, главного идеолога венгерской компартии Йожефа Реваи, как и засоренность венгерского минпроса последователями Лукача, использовавшего "недопустимую терпимость" некоторых работников в целях протаскивания своих "вредных теорий" [14]. Вместе с тем большую роль в его судьбе сыграла, вероятно, сама принадлежность к московской коммунистической эмиграции, представители которой, как правило, избегали в Венгрии в этот период расправ.

Кампания по нейтрализации Лукача своей цели не достигла. Философ и в годы опалы сохранял немалое влияние на умы марксистски ориентированной интеллигенции. Согласно посольским донесениям, "известный путаник, а по существу буржуазный националист" Лукач, продолжая упорствовать в отстаивании своих прежних взглядов, вел за собой значительную часть литераторов [15].

единства немецкой культуры Лукач, по мнению Хариха, остался на позициях старого своего спора с профашистскими фальсификаторами Гете, тогда как сейчас на первый план выходит "не менее опасная" тенденция космополитической фальсификации Гете в духе американского империализма. Если марксист, выступая в 1949 г. с докладом о Гете, не разоблачает космополитизм, он забывает требование Гете к писателям жить заботами своего времени. См.: Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф.631. Оп.14. Д.544. Л.166-167. Впрочем, и после критики 1949 г. работы Лукача продолжали активно издавать в Восточной Германии, видя в нем одного из очень немногих марксистов, способных на равных дискутировать с носителями иных мировоззрений.

[10] Венгерский писатель (из числа радикальных коммунистических ортодоксов) Шандор Гергей, побывавший в июне 1949 г. в Москве на торжествах по случаю 150-летия со дня рождения А.С. Пушкина, докладывал потом М.Ракоши о своих встречах с восточноевропейскими писателями. По его сведениям, и в Польше, и в Чехословакии Лукач был наиболее часто издаваемым венгерским автором. Иоганнес Бехер говорил Ш.Гергею о том, что произведения Лукача ходят в Германии по рукам не только в восточной, но и в западных зонах (Письмо Ш. Гергея М. Ракоши от 4 июля 1949 г. Magyar Orszagos Leveltar. 65/332 o.e., 2-4 l.). Через год, в апреле 1950 г., тот же Гергей, встречавшийся перед этим со словацкими литераторами, докладывал М.Ракоши: развернувшаяся в Венгрии кампания критики Лукача получила в Чехословакии тем более сильный отклик, что в предшествующие годы работы Лукача активно издавались и пропагандировались кругами, близкими компартии. Теперь пришло время перестраиваться, соответствующие органы уже начали изымать книги Лукача из обращения (Magyar Orszagos Leveltar. 276 f., 65/ 332 o.e., 32 l.).

[11] Times. 2.9. 1949. О комментариях Би-Би-Си в связи с критикой Лукача см.: РГАСПИ. Ф.17. Оп.137. Д.269. Л.37-38.

[12] Правда. 1 февраля 1950 г. Доклад А.Фадеева был перепечатан в "народно-демократических" странах.

[13] Уже в 1952 г. в Венгрии вышел его сборник, содержащий статьи с анализом произведений М.Горького, М.Шолохова, А.Платонова, А.Фадеева, А. Макаренко, Э.Казакевича, А.Бека и др. (Nagy orosz realistak. Szocialista realizmus).

[14] См., например: РГАСПИ. Ф.17. Оп. 137. Д.269. Л.10-16. Посол СССР в Венгрии Е. Киселев докладывал 25 июня 1952 г. министру иностранных дел СССР А. Вышинскому о том, что "неразоружившийся Лукач, бесспорно, мешает и тормозит развитие современной венгерской литературы по правильному пути" (Там же. Д.859. Л.36-37).

[15] Посольство СССР в одном из донесений 1952 г. приводило мнение некоторых деятелей культуры о том, что Лукач "сейчас занимает еще более твердое и высокое положение в области идеологической работы, чем до критики его взглядов в 1950 г." (Там же. Д.860. Л.108) Это мнение всецело совпадало с впечатлениями сотрудников посольства о роли Лукача как "одной из реакционных фигур, вокруг которой группируются остальные скрытые представители буржуазной идеологии в общественной жизни Венгрии" (Там же. Л.109).

Оттепель, начавшаяся после смерти Сталина, сопровождалась в СССР некоторым оживлением литературной критики, что не могло не породить в сознании части интеллигенции реминисценций с периодом конца 1930-х годов, когда статьи Лукача в журнале "Литературный критик" находились в центре читательского внимания. Ближайший друг и единомышленник Д.Лукача в предвоенные годы Михаил Лифшиц опубликовал на страницах журнала "Новый мир" статью, в которой выступил против "сокращенного метода изучения жизни", готовности "рассуждать на любую тему, совершенно не зная ее" [16]. Поколебать господствующее положение псевдореалистической, ждановской эстетики все же не удавалось. 6 апреля "Литературная газета" разразилась статьей Б.Агапова "Против снобизма в критике", резко осудившей позицию Лифшица. За началом последовало продолжение. 10-11 июня "идейно-порочные" публикации Лифшица и ряда других авторов были подвергнуты острым нападкам на партсобрании московских писателей, а 1 июля в "Литературной газете" в редакционной статье "О критическом отделе журнала "Новый Мир"[17]. 11 августа на расширенном заседании президиума СП СССР речь зашла о "нездоровом, мещанском нигилизме" "новомировской" критики, о том, что М.Лифшиц, В.Померанцев, Ф.Абрамов, М.Щеглов "на тридцать седьмом году нашего пути" поставили в своих статьях под сомнение социалистические идеалы. Публикация этих статей объяснялась в первую очередь деятельностью заведующего отделом критики И.Саца и немалым влиянием "внештатного, но постоянного консультанта отдела" М.Лифшица, то есть тех, кто в 1930-е годы входил в круг редакторов и ведущих авторов журнала "Литературный критик". На президиуме СП было зачитано письмо критика И.Лежнева, писавшего, что "М.Лифшиц возвращается к некоторым из тех нигилистических, антипатриотических "концепций", которые принесли в свое время печальную известность журналу "Литературный критик" [18].

Большинство собравшихся в зале заседаний на Поварской (тогдашней улице Воровского) хорошо помнили не только "Литературный критик", но и статьи Лукача, опубликованные в нем. Когда посетивший в мае 1954 г. Москву венгерский писатель Бела Иллеш встретился 14 мая в Центральном доме литераторов с советскими коллегами, вопрос о Лукаче стал одним из первых, заданных ему. "Он сейчас не отрицает влияние советской литературы. Сейчас он работает над книгой "Роль случайности в искусстве и литературе" [19]. В настоящее время в литературной жизни не участвует", – прозвучал скупой ответ [20].

Согласно донесениям посольства, "есть основания считать, что именно Лукач явился вдохновителем рекламной шумихи вокруг идейно порочного романа Дери "Ответ""(Там же. Д.859. Л.183). "Особенно опасно влияние Лукача на молодые кадры венгерских писателей и критиков, которое имеет широкие размеры. В Союзе писателей Лукач является... фактическим руководителем, определяющим политический курс Союза" (Там же). Для понимания ситуации, сложившейся к тому времени в литературной жизни Венгрии, небезынтересно, с какого рода жалобами приходили в посольство СССР оппоненты Лукача. Так, один из них, Тамаш Ацел, говорил, что благодаря эрудиции Лукача и его "умению без труда превращать зайца в слона и наоборот", "спорить с ним очень трудно, трудно разбить его демагогическую, но хитросплетенную аргументацию" (Там же. Л.39).

[16] Лифшиц М. Дневник Мариэтты Шагинян // Новый мир. 1954. №.2.

[17] См.: Оттепель. 1953 - 1956. Страницы русской советской литературы. Сост. С.И. Чупринин. М., 1989. С.436, 438 (хроника событий литературной жизни СССР).

[18] Там же. С.440-441. По итогам обсуждения на президиуме ССП А.Твардовский впервые поплатился постом главного редактора журнала "Новый мир", вернувшись на эту должность через четыре года. Травля М.Лифшица зашла гораздо дальше: в 1954 г. он был привлечен к ответственности по партийной линии и едва не был исключен из партии. Ему пришлось также оставить преподавание на кафедре философии АН СССР. Оценки мало изменились в сравнении со сталинскими временами. Ведь в вышеприведенной записке Г.Александрова (1949 г.) журнал "Литературный критик" назывался "цитаделью космополитизма в литературе". Особенно возмутило автора тогда то, что Лукач в своих статьях, опубликованных в Венгрии, пропагандировал Лифшица в качестве наиболее "выдающегося исследователя марксистской эстетики в Советском Союзе".

[19] Речь идет о работе: Lukács György. A különösség mint esztetikai kategoria. Bp., 1957.

Ритуальные филиппики в адрес "безыдейной" критики, продолжающей совершенно определенные традиции 1930-х годов, звучали и в декабре 1954 г. с трибуны II съезда советских писателей. В выступлении Б.Рюрикова в этой связи упоминался и Лукач. Полностью оставалось в силе партийное постановление 1940 г., запретившее журнал "Литературный критик", в своих выступлениях довольно смело по сталинским временам отстаивавший право художника-реалиста, живущего в любую эпоху, на полноту изображения жизни, включая ее негативные стороны. И это препятствовало возобновлению работы секции критики в Союзе писателей вплоть до апреля 1955 г. [21].

Именно в это время, в апреле, Лукач отмечал в Будапеште свое 70-летие. Подарком ему к юбилею явилась большая государственная премия имени Л.Кошута. При выдвижении кандидатуры Лукача на вручение этой главной в стране премии идеологические органы Венгерской партии трудящихся были поставлены перед дилеммой. Ведь с одной стороны, никто официально не опроверг результаты дискуссии о Лукаче 1949-1950 годов, звучавшую тогда острую критику. С другой же стороны, выход книги "Низвержение разума" в 1954 г., в момент, когда планы включения Западной Германии в НАТО вызвали новое обострение конфронтации двух систем, оказался весьма кстати: кто мог столь же мастерски, как Лукач, перевести актуальные пропагандистские клише о "загнивающей" иррационалистической западной философии и культуре на язык высокой философской абстракции, ввести исторический дискурс в анализ современных идейных течений? В стране, находившейся на переднем крае борьбы двух систем – в Восточной Германии, к середине 1950-х годов идеологи СЕПГ вполне осознали, что в непрекращавшейся идеологической войне с ФРГ иные из работ Лукача вполне годились на роль тяжелой артиллерии. То же самое поняли и в Венгрии. Чествования философа в связи с его 70-летием прошли в обеих странах достаточно внушительно. В ГДР был даже издан юбилейный сборник, посвященный Лукачу, работы же самого философа переиздавались из года в год издательством "Ауфбау" немалыми тиражами[22].

---

[20] РГАЛИ. Ф.631. Оп.26. Ед.хр. 1190.

[21] 25 апреля 1955 г. секретарь правления Союза писателей СССР А.Сурков обратился в ЦК КПСС с письмом. Он предложил на общем собрании московских писателей, запланированном на 26-27 апреля, поставить среди прочего вопрос о воссоздании в московском отделении СП секции критиков. В письме отмечалось, что "в 1940 году имевшаяся при Союзе писателей секция критиков была ликвидирована по постановлению ЦК Коммунистической партии. Это было вызвано тем, что секция критиков так же, как и журнал "Литературный критик", проводила в ряде вопросов неверную точку зрения. Вокруг журнала "Литературный критик" сложилась антимарксистская группа (Лифшиц, Лукач, Сац, Юзовский и другие). Эта группа проповедовала антимарксистские идеалистические взгляды, нигилистически относилась к советской литературе. Те же взгляды проводились, по существу, и тогдашним руководством секции критики, в которое входили в основном те же лица, что и в группу "Литературного критика". И журнал "Литературный критик", и секция критики оторвались от больших процессов литературного творчества, стали вотчиной узкой группки чуждых марксизму литературоведов и критиков. Было совершенно правильно и закономерно закрыть журнал и ликвидировать секцию критиков". Заверив партийные инстанции в том, что литературная общественность ни в коей мере не собирается усомниться в справедливости постановления партии, Сурков от дежурных фраз перешел к существу дела. В сравнении с 1940 г. положение изменилось, в критику и литературоведение "пришло немало свежих сил, подготовленных теоретически, способных проводить верную партийную точку зрения на литературу, отстаивать чистоту марксистских взглядов". Ссылаясь на опыт последних лет, руководитель СП утверждал, что "объединение критиков для обсуждения насущных задач литературоведения и литературного творчества дает хорошие теоретические и практические результаты". Поскольку "у критиков есть свои профессиональные интересы, свои задачи, которые не могут быть решены в других секциях", жизнь подсказывает необходимость создания секции. См.: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф.5. Оп.17. Д.535. Л.70-71. Вопрос о секции критики был решен положительно (На письме Суркова имелась помета, видимо, сделанная в отделе культуры ЦК КПСС: "данный вопрос решения ЦК не требует"), что в некоторой мере способствовало оживлению литературной жизни, где, как и в общественной жизни в целом, происходило острое противоборство ретроградных и обновительных сил.

[22] Georg Lukács zum 70. Geburtstag. Berlin, 1955. Среди авторов этого международного сборника были Эрнст Блох, Ганс Эйслер, Анна Зегерс, Арнольд Цвейг, Анри Лефевр, лидер итальянских социалистов Пьетро Ненни.

В СССР также, хотя и несколько позже смогли оценить, какую практическую пользу делу пропаганды официальной идеологии могло бы принести подключение к нему некоторых работ Лукача. В начале 1956 г. директор Института философии АН СССР П.Н. Федосеев выступил, в частности, с инициативой перевести на русский язык и издать в СССР "Низвержение разума" [23], что, впрочем, так и не было осуществлено из-за участия Лукача в венгерских октябрьских событиях. Весной 1955 г. в отношении Москвы к Лукачу доминировала все-таки настороженность, и присуждение ему премии Кошута вызвало недоумение в ортодоксальном крыле советского литературного истеблишмента, где этот жест восприняли как свидетельство произошедшей в Венгрии ревизии партийных установок, определявших ценностные критерии в эстетике. Об этом свидетельствует письмо, с которым обратился в ЦК КПСС секретарь правления СП СССР Борис Полевой, курировавший работу Иностранной Комиссии Союза писателей (человек, которого в Венгрии помнили, как корреспондента газеты «Правда» на открытом процессе по делу Ласло Райка). Присуждение Лукачу премии за международно признанные заслуги в "боевой критике буржуазной философии" выглядит, по мнению Полевого, очень странно, учитывая, что рупор Лукача и его друзей "Литературный критик" был в свое время закрыт как "журнал, вредящий советской литературе", а в Венгрии Лукач "тоже немало попутал писательских голов тезисом об обособленности венгерской культуры от советской" [24]. Интересно, однако, что в ЦК КПСС не склонны были разделять обеспокоенности Полевого, сочтя, что интеллект Лукача, поставленный под контроль идеологических инстанций, мог бы стать сильным орудием в борьбе с буржуазной философией. Ответственные работники аппарата ЦК А. Румянцев и Б. Пономарев в резолюции на письмо Полевого отметили, что "несмотря на неустойчивость взглядов Д.Лукача, Венгерская партия трудящихся стремится, однако, использовать его авторитет в идеологической и литературной борьбе, в объединении всех демократических сил интеллигенции в борьбе за мир". А потому выражать несогласие с присуждением премии нет необходимости [25].

В середине 1950-х годов в условиях начавшейся оттепели расширяются контакты советских и венгерских литературоведов. В 1955 г. представители Института мировой литературы АН СССР (ИМЛИ) В. Щербина и Р. Самарин побывали в Будапеште на конференции по проблемам реализма. Главный вывод, к которому они пришли в результате поездки, заключался в необходимости переоценки советским литературоведением отношения к Лукачу. "В нашей печати, – писали они в докладной по итогам поездки, – многочисленные книги Лукача не упоминаются и оценки не получают. А это необходимо тактично сделать, так как работы Д.Лукача широко издаются, кроме Венгрии, в Германии и других странах и воспринимаются там как последнее слово марксистской эстетики" [26]. Как заметили в своей записке советские ученые, влияние Лукача на венгерских литературоведов было довольно сильно, причем иногда это проявлялось в недооценке романтики, стремлении "все подогнать" под реализм. Впрочем, отнюдь не все литературоведы (даже молодые, чье профессиональное формирование происходило под непосредственным воздействием работ Лукача), были склонны к некритическому восприятию его теории реализма. Гостям из ИМЛИ показалось убедительным выступление Тибора Кланицаи (в будущем европейски известного литературоведа-медиевиста), который спорил с попыткой рассмотрения процесса истории мировой литературы под знаком борьбы реализма с антиреализмом. В своей записке Щербина и Самарин выступили с предложением обсудить работы Лукача в ИМЛИ,

---

[23] РГАНИ. Ф.5. Оп.35. Д.24. Л.13-17.

[24] Там же. Оп.17. Д.537. Л.54-56. См. письмо Полевого и на венгерском языке в подборке документов о восприятии Лукача в СССР: Múltunk, 2001. № 4.

[25] Там же.

[26] Архив РАН. Ф.579. Оп.2. Д.77а. Л.6.

которое получило развитие через год, когда в повестку дня встал уже вопрос о приглашении венгерского философа и критика посетить СССР.

Инициатором приглашения явился Институт философии АН СССР [27]. Приезд собирались приурочить к 125-летию смерти Гегеля, которое решили скромно отметить в Москве осенью 1956 г. Поскольку принципиальное согласие высших партийных инстанций было получено, АН СССР направила Д.Лукачу пригласительное письмо [28].

Лукач с благодарностью принял приглашение. В ответном письме от 9 сентября он отмечал, что 12-летний период жизни в СССР "был для меня очень плодотворным в моей научной деятельности и я с радостью думаю о том, что снова увижу Институт философии, старых коллег и познакомлюсь с появившимися за это время молодыми философами. Я был бы также очень рад дать отчет Институту философии о моих последних работах (теория эстетического отражения) [29].

Однако, с одной стороны из-за большого количества работы весной этого года я сильно запустил мою основную работу (речь шла о "Своеобразии эстетического" – А.С.), с другой стороны этой зимой я должен принять участие в обсуждении реформы преподавания философии, так что эта поездка едва ли может состояться раньше весны 1957 года. Я позволю себе, как только мне будет ясно конкретное распределение моего времени, еще раз написать Вам, чтобы согласовать мои планы с планами Академии наук и Института философии" [30]. Как явствует из документов, вопрос о поездке оставался открытым до конца лета 1957 г. и отпал сам собой с началом новой критической кампании.

Летом же 1956 г. от философов не хотели отставать и литературоведы. Отделение литературы и языка РАН и ИМЛИ предполагали провести международную конференцию, чтобы обсудить проблемы реализма, содержание основных этапов его развития в мировой литературе. Планировался очень представительный состав участников – помимо Лукача Л. Арагон, А. Лефевр, Я. Мукаржовский. Поначалу конференцию хотели провести в ноябре 1956 г., потом перенесли на февраль 1957 г., а затем и вовсе отменили решением отдела культуры ЦК КПСС. Как говорилось в резолюции этого отдела, "учитывая, что в данном вопросе имеется много неясного и запутанного, в чем надо разобраться предварительно силами советских литературоведов, Отдел культуры считает более правильным провести дискуссию без приглашения на нее зарубежных гостей" [31].

Таким образом, темпы "либеральной эмансипации" советской партийной элиты явно не поспевали за тем, что происходило летом 1956 г. в Венгрии. Не в меньшей мере это касалось и советской дипломатии, в том числе сотрудников посольства СССР. В июле 1956 г. молодой дипломат В.Крючков (впоследствии председатель КГБ СССР) в докладной своему начальству высказывал недоумение тем, что автор одной из статей на страницах центральной венгерской партийной газеты "Сабад неп", "захлебываясь от восторга, превозносит на все лады Дьердя Лукача, статьи которого проникнуты духом охаивания состояния марксистско-ленинской науки в Советском Союзе, выдавая его чуть ли не за

---

[27] Директор Института академик П.Н. Федосеев в обосновании, адресованном ЦК КПСС, характеризовал Лукача как "автора серьезных трудов по философии и эстетике", в ряде работ которого "дана глубокая критика современной буржуазной философии" (РГАНИ).

[28] Архив РАН. Ф.579. Оп.1. Д.355. Л.2-8. См. также письмо за подписью самого президента АН СССР А.Н. Несмеянова и главного ученого секретаря А.В. Топчиева в ЦК КПСС от 24 мая 1956 г. с просьбой разрешить пригласить Лукача сроком на 2 недели в октябре 1956 г. сверх уже утвержденных планов международного сотрудничества АН СССР (РГАНИ. Ф.5. Оп. 35. Д. 24. Л. 175). Предполагалось, что Д.Лукач прибудет в СССР в октябре 1956 г. сроком на две-три недели. План его пребывания в Москве и Ленинграде предусматривал встречи с философами и литераторами, ряд лекций, участие в конференции по Гегелю.

[29] Речь идет о научной работе "Проблема эстетического отражения", одной из предварительных публикаций, предшествовавших выходу в 1963 г. фундаментального труда "Своеобразие эстетического".

[30] Архив РАН. Ф.579. Оп.1. Д.355. Л.9 (перевод), Л.11 (оригинал на немецком языке).

[31] РГАНИ. Ф.5. Оп.36. Д.17. Л.53-62.

единственного в Венгрии (впрочем, в статье нет оговорки, что только в Венгрии) мученика-борца против догматизма, за подлинную марксистскую науку и т.д." [32]

Впрочем, к тому времени, когда молодой дипломат В.Крючков писал, руководствуясь господствовавшими до тех пор идеологическими установками, свое донесение в МИД, в Москве, в атмосфере, рожденной XX съездом, произошли заметные подвижки в отношении к Лукачу. В Гослитиздате при обсуждении текущих планов ставился вопрос об издании его литературоведческих работ, и в издательстве иностранной литературы, по некоторым сведениям, уже была начата подготовка сборника его статей [33] – все застопорилось осенью вследствие венгерских событий. Журнал "Вопросы философии" опубликовал в пятом номере за 1956 год фрагмент монографии 1930-х годов о молодом Гегеле. Конечно, сталинская ортодоксия отчаянно сопротивлялась и инициаторам подобных публикаций стоило огромного труда пробить бреши в стене тотального единомыслия. Публикатору работы о Гегеле Эвальду Ильенкову (впоследствии крупному советскому философу своего поколения) пришлось давать объяснения в партийных органах. Но каково бы ни было противодействие партаппарата, на волне обновления, поднятой XX съездом, интерес творческой интеллигенции к идеям Лукача, его свежим публичным высказываниям о необходимости "ренессанса марксизма" и т.д. заметно повысился. Так, 16 апреля 1956 г. на заседании Иностранной комиссии СП СССР, куда был приглашен функционер Союза венгерских писателей Аладар Тамаш, участники проявили самый живой интерес к деятельности Лукача, спрашивали о его новых работах [34]. В свою очередь реформаторски настроенные венгерские литераторы-коммунисты при встречах с советскими дипломатами призывали Москву пересмотреть взгляд на Лукача как на ревизиониста марксистской эстетики и теории литературы [35].

В начале осени острые публикации в венгерской прессе вызвали немалую обеспокоенность советского посольства, доносившего в Москву о том, что "командные высоты" на идеологическом фронте постепенно переходят в руки "правых сил", связанных между собой не только идейно, но и организационно. Именно в этом контексте упоминался в дипломатических документах Лукач [36]. Основываясь на тревожных донесениях посла Ю.В.

---

[32] АВПР. Ф.077. Оп.36. Папка 48. Д.178. Л.44. Выступление Лукача на философской дискуссии Кружка Петефи в июне 1956 г. нашло отражение и в донесениях посла СССР в Венгрии Ю.Андропова. Так, в записке Президиуму ЦК КПСС от 29 августа он докладывал о том, что Лукач "тенденциозно старался освещать состояние марксистско-ленинской науки в СССР, упирая почти исключительно на то, что советские философы являются догматистами и начетчиками" (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. Редакторы-составители Е.Д. Орехова, В.Т. Середа, А.С. Стыкалин. М., 1998. С.247-248).

[33] План пребывания Лукача в СССР по приглашению Академии наук предусматривал и посещение издательств.

[34] РГАЛИ. Ф.631. Оп.26. Л.1206.

[35] АВПР. Ф.077. Оп.37. Папка 188. Д.10. Л.72-73. Беседуя с советским дипломатом 21 августа, функционер Союза венгерских писателей Л.Эрдеш говорил о том, что в Венгрии производят неблагоприятное впечатление периодически звучащие в советской литературной прессе высказывания с отрицательной оценкой роли Лукача-критика в 1930-е годы в СССР.

[36] Так, 8 сентября заместитель главного редактора газеты "Мадяр немзет" И.Комор говорил Андропову о том, что июньская лекция Лукача "Борьба прогресса и реакции в современной культуре", уже успевшая получить известность за границей, стала оружием для всех склонных охаивать успехи социалистического строительства в СССР и Венгрии (РГАНИ. Ф.5. Оп.28. Д. 394. Л. 249-253). 17 сентября старый коммунист художник Шандор Эк в беседе с советским дипломатом констатировал происходящее "широким фронтом" наступление на социалистический реализм в искусстве, который именуется не иначе как "советский натурализм" и продукт культа личности. Молодые художники, жаловался Эк, все более попадают под влияние старых "формалистов", ориентированных на современное западное искусство. "Нападки на советское искусство и отрицание его ведущей роли стали модой. Воскрешаются идеи Дьердя Лукача, который в свое время пытался принизить советское искусство, объявляя его отсталым по сравнению с западным. Лукач, как известно, апеллировал к известному тезису Маркса о том, что более высокому общественному строю не обязательно должно соответствовать более высокое искусство, что оно может отставать от общественного развития. Этому тезису придается преувеличенное, извращенное толкование с целью доказать, что советское искусство отстало от западного в своем развитии" (АВПР. Ф.077. Оп.37. Папка 188. Д.10. Л.162).

Андропова, А.А. Громыко (в то время пока еще первый зам. министра иностранных дел СССР) 17 сентября подготовил записку в ЦК КПСС, в которой докладывал о попытках "оппортунистических элементов" в венгерской партии "оторвать Венгрию от СССР и заменить советское влияние в стране югославским". В этой связи назывался и академик Венгерской АН Д.Лукач, публично пропагандирующий тезис о том, что культ Сталина был подготовлен самой советской системой [37]. О том, насколько серьезно была воспринята в Кремле информация Андропова о ревизионистском наступлении в Венгрии, можно судить хотя бы по тому, что записка Громыко обсуждалась 27 сентября на заседании Президиума ЦК [38]. Таким образом, фигура старого "путаника" и уклониста Лукача продолжала вызывать настороженность советского руководства, в новых условиях, сложившихся после XX съезда, привыкнувшего видеть в нем одного из главных персонажей любой "ревизионистской вылазки" в Венгрии. Но когда 23 октября в этой стране произошло мощное восстание и высокопоставленным советским эмиссарам А.И. Микояну и М.А. Суслову пришлось в совершенно изменившейся обстановке участвовать в формировании нового венгерского правительства, кандидатура совсем немолодого Лукача на пост министра культуры была все же поддержана ими как оптимальная в тех условиях. 27 октября Микоян и Суслов докладывали в Президиум ЦК, что министром культуры "утвержден Лукач – известный философ, хотя и допускающий немало путаницы в философии, но политически говоря более благонадежный и авторитетный среди интеллигенции", нежели предлагавшийся перед этим деятель народнических движений Ласло Кардош [39].

Известно, что правительство Имре Надя не сумело стабилизировать ситуации в стране, 31 октября в Москве после долгих колебаний было принято юридически незаконное решение о силовом приведении к власти нового, более приемлемого для СССР правительства. Началась подготовка решающей военной акции, назначенной на 4 ноября. Ранним утром этого дня Д.Лукач и его жена Гертруда Бортштибер вместе с другими людьми из окружения И.Надя укрылись в югославском посольстве, после выхода оттуда, состоявшегося 18 ноября, они были вопреки обещаниям переправлены советскими спецслужбами в Румынию и получили разрешение вернуться домой лишь в апреле 1957 г. До апреля о судьбе Лукача было мало что известно в мире, все это сильно будоражило мировую общественность, в первую очередь писателей и интеллектуалов. "Я хотел бы еще получить точную информацию о судьбе Лукача. Французская прогрессивная общественность озабочена его судьбой, и если бы я мог приехать домой и с полным основанием сказать, что Лукач находится в хороших условиях, имеет возможность писать и продолжает заниматься своим делом, то это произвело бы прекрасное впечатление во Франции и успокоило бы и примирило многих людей, в частности Сартра", – говорил секретарю СП СССР Б.Полевому посетивший в феврале 1957 г. Москву французский писатель Веркор [40]. В Англии с аналогичным запросом к советским представителям обращался известный философ Бертран Рассел, сотрудничавший с Москвой по линии движения сторонников мира. Люди близкие к наименее догматизированной в мире итальянской компартии, с интеллектуальными кругами которой Лукач поддерживал давние и тесные связи, и в том числе известные издатели Фельтринелли и Эйнауди поставили вопрос о приглашении Лукача на постоянное жительство в Италию, что не нашло поддержки ни в Москве, ни в Будапеште [41]. Начало же международной кампании в защиту

---

[37] Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С.262.
[38] Там же. С.278.
[39] Там же. С.416.
[40] РГАНИ. Ф.5. Оп.30. Д.236. Л.116-118.
[41] Зам. зав. отделом ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями И.Виноградов писал 16 февраля 1957 г. в ЦК КПСС: "Ввиду того, что реакция может использовать приезд Д.Лукача в Италию для оживления антивенгерской и антисоветской пропаганды и учитывая возможность неправильного поведения самого Лукача в Италии, считали бы целесообразным сообщить совпослу в Риме, что в случае обращения к нему итальянских друзей по этому вопросу, он должен высказаться в том смысле, что наше отношение к приезду Лукача в

Лукача было положено публикацией 13 декабря 1956 г. письма протеста ряда ведущих писателей Югославии против незаконной высылки философа в Румынию. Письмо, очевидно опубликованное с ведома и согласия белградских властей, недовольных нарушением Москвой заключенных договоренностей о "группе Имре Надя", вызвало особую озабоченность в Иностранной комиссии СП СССР – в Президиум ЦК КПСС приходит на имя М.А. Суслова записка за подписью Б.Полевого, в которой предлагалось "в самом срочном порядке принять соответствующие меры, чтобы не дать возможности недругам нашей культуры", объявив Лукача "мучеником", сделать его имя "знаменем в новом туре похода против нас" [42]. В ЦК КПСС, однако, восприняли известие о письме югославских писателей достаточно спокойно и посудили, что нет особых оснований "вмешиваться в дела венгерских друзей" [43]. Скорее всего это объяснялось сохранявшейся неопределенностью вокруг дальнейшей судьбы философа. Предпринимаются попытки внести раскол в группу И.Надя, вынудив некоторых ее членов, не в последнюю очередь Лукача, выступить против позиции свергнутого премьер-министра, не желавшего идти на компромисс с новым венгерским лидером Я.Кадаром. С первых же недель пребывания Лукача под присмотром полиции в румынском курортном городке Снагове за ним начинается своего рода "ухаживание". Философу дают возможность работать в библиотеке, присылают специально книги, предлагают выступить с лекцией в высшей партийной школе в Бухаресте. Не только среди венгерских политических беженцев, интернированных в Снагове, но и в кругах будапештской интеллигенции ходили слухи о том, что Лукачу может быть снова предложен пост министра культуры либо его сделают президентом Венгерской академии наук [44]. Все эти идеи, однако, не получили развития. Принадлежность Лукача к команде Имре Надя при всех его разногласиях с опальным премьер-министром делала философа малоподходящей фигурой для проведения линии Кадара и его окружения в деле организации научной и культурной жизни. Что же касается самого Лукача, то он не сделал ни единого видимого жеста, свидетельствовавшего о его согласии играть по чужому сценарию. Он дал понять, что готов подвергнуть критике те действия бывшего премьера, с которыми не был солидарен, но только тогда, когда они оба окажутся на свободе, выступать же против товарища по заключению не намерен. На предложение румын прочитать лекцию в партшколе Лукач также ответил отказом, сославшись на свой статус политического ссыльного. Из воспоминаний тех, кто находился вместе с ним в Снагове, философ, не скрывавший своих расхождений с Надем, ни в коей мере не дистанцировался от товарищей по судьбе, пользовался огромным авторитетом в их кругу. При этом он как бы стоял над меняющейся изо дня в день текущей политической конъюнктурой, не проявляя никакого желания дискутировать по частным вопросам [45].

Встречаясь в Снагове с эмиссарами кадаровского правительства, Лукач не скрывал своего критического отношения ко многим его действиям, вместе с тем заверял их в своем нежелании по возвращении на родину включиться в политику, собирался жить уединенно, не принимать журналистов, всецело сосредоточившись на научных штудиях. Впрочем не

Италию является отрицательным" (РГАНИ). На тексте документа значится помета члена Президиума ЦК КПСС А.Микояна: "лучше, чтобы отрицательное отношение было передано от имени венгерских товарищей, а не СССР".

[42] Там же. Ф.5. Оп.36. Д.13. Л.105-107.

[43] Там же.

[44] Эту последнюю идею особенно активно лоббировал старший сын жены Лукача от первого брака крупный ученый-физик Л.Яношши, член Президиума ВАН. Беседуя 8 января с советским дипломатом, он доказывал, что в условиях, когда руководство Академией полностью хотят захватить антикоммунистически настроенные ученые, Лукач стал бы наиболее приемлемой для различных сторон фигурой для избрания в президенты (Там же. Оп.28. Д.479. Л.105-109).

[45] Ember Judit. Menedekjog - 1956. A Nagy Imre-csoport elrablasa. Bp., 1939. 71.o.

только литературоведческих и эстетических – Лукач выражал также желание всерьез заняться изучением философских основ сталинизма.

26 февраля пленум Временного ЦК ВСРП после длительных проволочек принял решение отделить Д.Лукача и еще 2 деятелей (Золтана Санто и Иштвана Ваша) от других интернированных в Румынии членов группы Надя как лиц, "не принимавших непосредственного участия в контрреволюционной деятельности". Это означало, что если И.Надь, Г.Лошонци и др. будут доставлены на родину в наручниках и брошены в тюрьму, на Лукача подобная мера пресечения не распространится. Хотя приезд Лукача в Будапешт 11 апреля не хотели афишировать [46], философ с первых же дней своего пребывания в родном городе оказался в центре общественного внимания: его постоянно навещали ученики, а через них Лукач установил контакт и с более широким кругом гуманитарной интеллигенции. Через пять дней после возвращения он принял и советских гостей – делегации АН СССР и советского комитета защиты мира. Попытки ревизии марксизма и отказа от социалистического выбора он трактовал в ходе бесед как закономерную реакцию на сталинскую политику, предостерегал от механического копирования советского опыта (в том числе в культуре), в чем упрекал прежнее венгерское руководство во главе с Ракоши. На дежурный вопрос об ответственности части венгерских писателей за идейную подготовку октябрьских событий Лукач предпочел уклониться от ответа, заметив в то же время, что арест ряда литераторов усиливает волнения и беспокойство в творческой среде.

72-летний философ был до известной степени склонен пойти на компромисс с режимом Кадара, рассчитывая, что власти позволят ему посвятить остаток дней фундаментальному эстетическому труду, далекому от текущей политики (т.е. "Своеобразию эстетического", работа над которым успешно продвигалась). И кадаровский режим самое первое время действительно мог внушить Лукачу известные надежды на "спокойную старость". Отказав ему во вступлении в партию [47], высшие органы ВСРП вместе с тем поначалу воздерживались от сколько-нибудь резкой критики в адрес философа (вероятно потому, что в сложной и переменчивой внутриполитической ситуации весны-лета 1957 г. "проблема Лукача" не относилась к числу наиболее важных с точки зрения интересов укрепления режима). Отдельные критические высказывания в адрес философа концентрировались, как правило, на тех или иных его политических шагах, таких, как, например, его нежелание публично отмежеваться от Имре Надя. Что же касается философских, эстетических, литературоведческих взглядов Лукача, то до их критики дело пока еще не дошло. Опубликованный в сентябре 1957 г. партийный документ, наметивший некоторые предварительные установки политики в области литературы, проинформировал общественность о том, что всесторонняя, обстоятельная оценка творчества этого философа и литературоведа будет дана позже. Сам Лукач, между тем, в первые же месяцы по возвращении из ссылки активно заявил о себе новыми публикациями – не только в Венгрии, но и за рубежом. Его статьи о молодом Марксе были пронизаны пафосом очищения марксова учения от позднейших вульгарных наслоений. Монография "Особенное как эстетическая категория" стала одной из важнейших вех в процессе работы позднего Лукача над систематическим изложением своих эстетических взглядов. Еще больший отклик имела вышедшая в Италии и Германии работа «Против неверно понятого реализма», в которой получила развитие идея о социалистическом реализме как критическом реализме современной эпохи. На Западе немалый резонанс вызвала также публикация в ряде стран

---

[46] Кадар на пленуме Временного ЦК своей партии в феврале высказывал опасения, что к Лукачу "будут липнуть журналисты, студенты и т.д." Тем не менее «Непсабадшаг» дала 11 апреля информацию: «Профессор Д. Лукач обратился к Венгерскому революционному рабоче-крестьянскому правительству с письмом, содержащим просьбу о разрешении вернуться на родину, где он желает заниматься научной работой. Правительство удовлетворило просьбу Д. Лукача».

[47] В письме от 15 мая Лукач просил оформить свое членство в обновленной ВСРП, ссылаясь на то, что почти 40 лет его жизни связаны с коммунистическим движением. Просьба была отклонена со ссылкой на его несогласие с партийной оценкой событий 1956 г. и общей линией ВСРП на новом этапе.

небольшой автобиографической работы Лукача, в которой он не только дал нелицеприятную критику сталинизма как системы, но и поделился воспоминаниями о своих собственных отношениях с советским режимом в 1930-е годы [48]. Именно это выступление Лукача своей откровенностью вызвало особый гнев блюстителей идеологической чистоты в Венгрии и других странах соцлагеря, став толчком для массированной кампании травли, набравшей полный оборот к 1958 г. Как и восемью годами ранее, эта кампания приобрела международный характер, явившись в то же время составной частью более широкой кампании борьбы с ревизионизмом группы И.Надя, названной главным виновником венгерских октябрьских событий.

Начало новой критике Лукача было положено не в Венгрии, а в ГДР выступлением журнала "Айнхайт" летом 1957 г. [49]. Общеизвестно, что вплоть до 1956 г. венгерский философ, нередко наезжавший в Берлин и выступавший перед широкими аудиториями на втором своем родном (немецком) языке, был одной из наиболее влиятельных фигур в духовной жизни Восточной Германии: его работы 1930-х – 1940-х годов неоднократно переиздавались, концепции истории немецкой литературы, доминировавшие с конца 1940-х годов в литературоведческой мысли ГДР и определявшие программы университетских курсов, сложились под непосредственным воздействием теории "большого реализма". При том, что Лукач как член-корреспондент Академии наук ГДР относился к восточногерманскому литературному и научному истеблишменту, его влияние отнюдь не ограничивалось сферой официоза, выступления Лукача с требованием гуманизации марксизма, очищения марксова учения от догматических напластований находили в 1956 г. отклик у фрондирующих молодых интеллектуалов, воодушевленных идеями XX съезда КПСС. "Тогдашним своим мировоззрением я был в немалой степени обязан философу и литературному критику Д.Лукачу. Чтение его книг, выходивших большими тиражами в издательстве "Ауфбау", приобщило меня к тому, что называлось научным социализмом", – вспоминает Рольф Шнайдер, в 1979 г. исключенный из Союза писателей ГДР и переселившийся в Западную Германию (в 1956 г. он был сотрудником журнала "Ауфбау") [50]. Осенью 1956 г. этот журнал перепечатал лекцию Лукача "Борьба прогресса и реакции в современной культуре", прочитанную 28 июня в Будапеште. Отчетливо прозвучавший в ней тезис о свободном соревновании идей вызвал крайнее недовольство идеологов СЕПГ. А пришедшая через несколько дней весть о будапештском восстании заставила В.Ульбрихта и его окружение отнестись к проблеме венгерского влияния на восточногерманские умы с еще большей серьезностью [51]. Смертельно напуганные революцией в Венгрии, лидеры ГДР

---

[48] "Нам нужно, наконец, признать, что причины столкновения между обогащающим марксистскую культуру прогрессивным направлением и догматическим давлением деспотической бюрократии следует искать в системе Сталина и его личности... Поэтому я был вынужден вести за свои научные идеи партизанскую войну... Издание моих трудов я делал возможным путем начинки их ссылками на Сталина и свои взгляды, расходящиеся со Сталиным, я развивал по возможности самым осторожным образом..."– писал он. См.: Utam Marxhoz. Utoírat // Lukács György. Curriculum vitae. Bp., 1982. 228-229.o.

[49] Программное значение имели две статьи, с которыми летом 1957 г. со страниц теоретического органа ЦК СЕПГ журнала "Айнхайт" (N.6,7) выступил видный официозный критик Ганс Кох. Отметив, что широко распространенные в Германии работы Г.Лукача оказали немалое влияние на развитие марксистской литературоведческой мысли, Кох подчеркнул, что ее дальнейшие успехи невозможны без основательного разбора взглядов венгерского философа, в которых необходимо отделить зерна от плевел. В статьях Коха, пожалуй, впервые отчетливо прозвучала мысль о том, что политическая деятельность Лукача в 1956 г. (выступления на Кружке Петефи, участие в правительстве И.Надя, бегство в югославское посольство) имела свои корни в его мировоззрении.

[50] Шнайдер Р. Лукач и восстание в Будапеште // Страна и мир. Мюнхен, 1986. N.11. С.53.

[51] За два дня до начала венгерской революции, 21 октября, газета "Зоннтаг" опубликовала статью Дюлы Хая "Свободное слово в народной демократии", отражавшую оптимизм автора в связи с обновлением руководства

увидели именно в Лукаче главного разносчика идеологической заразы. Эту версию поддерживало и советское посольство в ГДР. "Борьба с происками кружка Петефи затруднялась в ГДР тем, что здесь в течение ряда лет среди литераторов и философов буквально насаждался своеобразный культ венгерского литературоведа Г.Лукача", – так оценил роль Лукача посол СССР в ГДР Г.Пушкин в записке от 27 июля 1957 г., адресованной в МИД СССР [52]. Публичной критике венгерского философа пытался воспрепятствовать Иоганнес Бехер (не только поэт, но в то время министр культуры ГДР), и ранее всегда покровительствовавший Лукачу [53]. В защиту философа высказывалась также Анна Зегерс, которую связывали с Лукачем давние дружеские отношения (при том, что в литературных дискуссиях они нередко, как, например, в споре 1930-х годов вокруг экспрессионизма оказывались по разную сторону баррикад). Однако мнения этих людей не стали определяющими, Бехер же после венгерской революции вообще был отодвинут на второстепенные роли в руководстве культурной политикой. В аппарате ЦК СЕПГ намечается целый комплекс мер "по преодолению вредного влияния Лукача". Наиболее жесткой из них, призванной запугать интеллигенцию, явился судебный процесс по делу директора издательства "Ауфбау" В.Янка, который несколько лет провел в заключении по обвинению в подрывной антигосударственной деятельности [54]. С осуждением Лукача выступают влиятельные коммунистические писатели Вилли Бредель (находившийся с Лукачем в сложных отношениях со времен литературных дискуссий в веймарской Германии) и Куба.

В Венгрии вопрос о радикальной переоценке деятельности Лукача был поставлен властями несколько позже – лишь в конце осени 1957 г. кадаровский режим почувствовал в себе достаточно сил для того, чтобы наперекор общественному мнению развернуть жесткую критическую кампанию, направленную против одного из крупнейших живущих представителей современной венгерской культуры. В ноябре 1957 г. литературный еженедельник "Élet és irodalom" подробно изложил выступление одного из руководителей культурной политики ГДР А.Абуша, содержавшее критику в адрес Лукача. Вскоре после этого, во время церемонии по случаю 20-летия со дня самоубийства великого поэта Аттилы Йожефа Дьердь Марошан, в то время второй человек в кадаровской партии, обвинил Лукача в мелкобуржуазном филистерстве, припомнив его изречение 1940-х гг. о том, что поэт-коммунист – не "солдат регулярной армии", а скорее партизан, связанный с партией только общностью стратегических целей. Затем последовала критика на общем собрании Венгерской Академии наук.

С каждой неделей и с каждой новой публикацией кампания набирала обороты. Участие Лукача в деятельности Кружка Петефи и правительстве И.Надя, его бегство в югославское посольство – все это, по мнению оппонентов (Б.Фогараши и др.), было не случайностью, а закономерным итогом всей его предшествующей эволюции как философа: научившись искусно облекать свои взгляды в оболочку марксистской фразеологии, Лукач остался по сути таким же идеалистом-гегельянцем, каким был в начале творческого пути.

Союза венгерских писателей. Впоследствии это дало властям ГДР новый повод заговорить о "разлагающем влиянии" венгерских литераторов на интеллигенцию Восточной Германии.

[52] Записка посла СССР в ГДР Г.Пушкина "О положении в Союзе немецких писателей" от 27 июля 1957 г. РГАНИ. Ф.5. Оп.33. Д.24. Л.82. В записке говорилось, что при активном участии В.Хариха, Г.Майера и др. взгляды Лукача пропагандировались в литературных и философских журналах ("Зинн унд форм", "Нойе дойче литератур"), а также в высших учебных заведениях; издательство "Ауфбау" выпустило большое количество его работ, широко было отмечено 70-летие Лукача.

[53] См. записку Г.Пушкина от 27 июля 1957 г. (Там же. Л.83). См. также: Johannes R.Becher Lukács Györgyről 1957-ben // Illés László. Üzenet thermopulebol. Irodalom- es eszmetorteneti tanulmányok a modernitásról, a szocialis gondolatról és a globalizaciorol. Bp., 1999. 272-276.o.

[54] См. воспоминания В.Янки: Janka Walter. Schwierigkeiten mit der Wahrheit. Berlin, Aufbau-Verlag, 1989.

Философский идеализм стал, как утверждалось, основой его ревизионистских взглядов, в том числе в эстетике, и в конечном итоге привел его к "политическому краху".

В критической кампании против Лукача 1958-1959 гг. слышались явные отзвуки предшествующей "дискуссии" (1949-1950). При том, что большинство оппонентов сменилось, преемственность между двумя кампаниями многим была очевидна в силу схожести методов и конкретных обвинений. Вместе с тем в 1958 г. критика происходила по более сложной схеме, чем десятью годами раньше – теперь, после событий 1956 г., Лукача можно было обвинять не только в идейно-мировоззренческих, но и в конкретных политических "ошибках", последние непосредственно выводились из первых, а те в свою очередь (как и в ходе предыдущей критики) из более ранних "заблуждений" Лукача. Подобный "генетический" метод критики, нацеленный на выявление исторических истоков взглядов, признанных неправильными, вообще широко практиковался коммунистическими идеологами 1940-х – 1950-х годов (характерно, что и А.Жданов, критикуя в 1946 г. Анну Ахматову, ссылался на ее принадлежность к акмеизму). В критике Лукача этот метод применялся дважды, с десятилетним интервалом. Правда, источники современного "ревизионизма" философа каждый раз назывались разные. Если в 1950 г. корни лукачевского "правоуклонизма" выискивались в так называемых "тезисах Блюма" 1929 г. [55], то в 1958 г., после XX съезда, обращение к этим тезисам в качестве негативного примера было бы слишком явной апологетикой сектантства в коммунистическом движении. Более убедительно, по замыслу организаторов кампании, должна была выглядеть критика Лукача-гегельянца, автора знаменитой (а с точки зрения коммунистических ортодоксов крамольной) книги 1923 г. "История и классовое сознание", как известно, сильно повлиявшей на Франкфуртскую школу.

В течение 1958 г. кампания критики Лукача развивалась по нарастающей. Что касается набора конкретных обвинений в адрес его эстетики, то в основном повторялось уже звучавшее из уст его оппонентов в 1940 г. в СССР, в 1949-1950 гг. в Венгрии. Речь шла прежде всего о недооценке роли сознательного марксистского мировоззрения в художественном творчестве, принижении значения советской культуры. Новые моменты в критике, как правило, имели больше отношения к политике, чем к эстетике. Прозвучавшим в июне 1956 г. выступлением в Политакадемии ВПТ Лукач дал своим более ортодоксальным оппонентам повод обвинять его в затушевывании основополагающего с марксистской точки зрения антагонизма между социализмом и капитализмом, стремлении подменить его другими общественными противоречиями, в частности, между силами мира и силами войны. Впрочем, и здесь слышались явные отзвуки кампании 1949-1950 гг., когда критике подвергалась не только эстетическая теория "большого реализма", но и политическая концепция реальной и формальной демократии.

За критикой не могли не последовать оргвыводы. Лукач выводится из редколлегий журналов, а осенью 1958 г. перестал быть действующим университетским профессором – министр культуры В. Бенке подписала приказ об отправке его на пенсию с прямым указанием на то, что политическая позиция Лукача не позволяет доверить ему преподавание марксистской философии и эстетики в университете. Главным поводом для такого решения послужил факт публикации в Италии, а затем Западной Германии уже упомянутой брошюры по проблеме реализма, в которой последовательно проводилось принципиальное положение о соцреализме как критическом реализме современной эпохи, позже развитое Лукачем в статьях о Солженицыне [56]. Впрочем, уйдя из университета, Лукач продолжал заниматься педагогической деятельностью, у него постоянно собирались ученики, наиболее старшие из которых именно во второй половине 1950-х годов делали первые заметные,

[55] Речь идет о составленном Лукачем в венской эмиграции проекте программы венгерской компартии, признанном "правоуклонистским".

[56] Lukács G. Wider den missverstandenen Realizmus. Hamburg, 1958.

самостоятельные шаги в науке. Закладывались основы философской школы Лукача, которая в 1970-1980-е годы приобрела мировую известность трудами А.Хеллер, Д.Маркуша, М.Вайды, Ф.Фехера.

Летом 1958 г. критика Лукача перекинулась из Венгрии в СССР. 18 июня, через два дня после судебного процесса по делу Имре Надя, завершившегося смертным приговором, один из идеологов ВСРП Дюла Каллаи говорил представителю посольства СССР о желательности выступлений советской печати с критикой Лукача. "Сейчас не имеется никаких оснований для проявляемой советской печатью сдержанности в отношении освещения проводимой в Венгрии работы по борьбе с вреднейшей ревизионистской деятельностью Лукача. Если бы критику Лукача начали в Советском Союзе, сказал тов. Каллаи, а потом она развернулась бы в Венгрии, то это дало бы возможность кое-кому говорить о "критике по указке Москвы", но даже и в этом самом невыгодном случае международное коммунистическое движение, несомненно, получило бы пользу. В действительности получилось так, что борьбу с лукачевским влиянием первые начали немецкие товарищи (в журнале "Айнхайт" летом 1957 г.), затем выступили венгры, сейчас готовятся итальянцы (последнее в общем не соответствовало действительности – А.С.), и молчание советских товарищей может уже быть неправильно понято" [57]. Молчание, о котором говорит Каллаи, было недолгим. Уже в том же 1958 г. его нарушил целый залп критических выпадов в адрес Лукача со страниц советской прессы. Инициативу положил в августе Я.Эльсберг в "Литературной газете" [58]. Редкий советский учебник по эстетике и литературоведению конца 1950-х – начала 1960-х годов обходился без дежурной критики в адрес венгерского "ревизиониста", соратника Имре Надя Д.Лукача, принижающего роль мировоззрения в художественном творчестве и недооценивающего значение советской литературы и культуры. Некоторым обществоведам конъюнктурная критика Лукача помогла сделать неплохую карьеру. Это прежде всего автор агитпроповских брошюр по эстетике А.Егоров, ставший со временем академиком-секретарем Отделения философии и права АН СССР [59].

Как бы там ни было, даже в самый пик антилукачевской кампании не ослабевал интерес к его творчеству со стороны начинающих философов и литературоведов, всерьез воспринявших идеи XX съезда КПСС, пытавшихся приобщиться к новым источникам мысли. В 1959 г. группа московских студентов-философов (Н.Мотрошилова, впоследствии известный исследователь западной философии, и другие) написали Лукачу письмо, в котором просили его дать согласие на публикацию одной из глав "Молодого Гегеля". Философ ответил с благодарностью. Как и тремя годами ранее, в уже цитированном нами письме руководству Института философии АН СССР, он назвал годы, проведенные в СССР, "плодотворными и важными" для своей духовной эволюции. Книга о Гегеле, продолжал он, явилась характерным продуктом того периода его творчества. В Москве шла работа и над "Низвержением разума". "Вам не трудно себе представить, сколь важным было бы для меня, если бы эти книги стали наконец известны советской публике, интересующейся философией" [60]. Если предпринятая еще до венгерских "событий" публикация в "Вопросах философии" фрагмента из "Молодого Гегеля" стоила выговора ее инициатору Э.Ильенкову, то в 1959 г., в самый разгар критики, идея издания любой, даже самой последовательно марксистской работы Лукача могла относиться лишь к области утопии.

---

[57] РГАНИ. Ф.5. Оп.33. Д.58. Л.52-53.

[58] Эльсберг Я. Об ошибочных взглядах Лукача // Литературная газета. 9 августа 1958 г.

[59] См.: Егоров А. Против ревизионизма в эстетике // Вопросы философии. 1958. N.9 (статья была перепечатана в Венгрии: Tarsadalmi Szemle. 1958. N.11); Эльсберг Я. Проблемы реализма и задачи литературоведения // Вопросы литературы. 1958. N.11. См. также статью Б.Сучкова ("Знамя". 1958. N.11). В ряду статей несколько выделяется более глубоким знанием предмета выступление М.Хевеши, впоследствии ставшей наиболее видным советским лукачеведом: Хевеши М.А. К критике воззрений Г.Лукача // Вопросы философии, 1958, N.6.

[60] Sziklai László. Az "utolsó" kollektiv ítélet. Lukács-bírálat: 1958/1959 // Vilagossag, 1988, 4 sz. См. также: Sziklai László. Egyszer volt – hol nem volt. Bp., 1995. 54.o.

Критика Лукача в 1958-1959 гг. была еще менее эффективной, чем десятью годами ранее. 28 апреля 1959 г. Политбюро ЦК ВСРП, специально обсуждавшее вопрос о Лукаче, констатировало, что он сохранил немалое влияние на интеллигенцию [61]. Историкам известно, что в 1958-1959 гг. венгерская университетская молодежь, даже совсем не приверженная марксизму, нередко фрондировала выступлениями в защиту Лукача. Аналогичной была ситуация в Восточной Германии. Делегация советских писателей, посетившая ГДР в 1959 г., в отчете о своей поездке докладывала высоким инстанциям о том, что Лукач по-прежнему пользуется большим авторитетом среди писателей старшего поколения [62].

Надежды на то, что Лукач выступит хотя бы с частичной самокритикой (как в 1950 г.), не оправдывались. Философ не только не был склонен идти на компромисс, но в своих все более частых интервью зарубежным корреспондентам и предисловиях к новым западным изданиям своих старых работ продолжал развивать, уточнять и дополнять именно те идеи, которые вызывали критику с ортодоксальных позиций (о сталинизме как системе методов, о противоборстве между силами войны и силами мира как главном противоречии современной эпохи, о необходимости обращения к широко понимаемой реалистической традиции в художественной литературе в целях преодоления лакировочных тенденций, доминировавших в предшествующий исторический период [63]). Все это дало кадаровскому руководству основание сделать вывод уже о "полном ренегатстве" Лукача и активизировать нападки [64]. Витала в воздухе даже идея ареста, впрочем, быстро отброшенная ввиду того, что мировое общественное мнение следило за ходом новой "дискуссии" с неослабным вниманием и сообщение об аресте могло бы вызвать крайне нежелательный резонанс [65]. К этому стоит добавить, что политика Кадара претерпевала определенные колебания. К весне 1959 г. задача запугать народ репрессиями против участников революции 1956 г. отошла на второй план; напротив, в целях укрепления своей власти правящим кругам приходилось все более задумываться о мерах по усилению респектабельности режима, улучшению его "имиджа" в международном общественном мнении.

Организаторы новой кампании, информировавшие о своих планах советских дипломатов, стояли перед непростой задачей. В самом деле, сколько-нибудь убедительная, аргументированная критика Лукача-философа и литературоведа была немыслима без солидного теоретического фундамента, которым обладали очень редкие из работников агитпропа. Были трудности и с популяризацией предмета "дискуссии", переводом ее с языка

---

[61] РГАНИ. Еще в конце февраля 1959 г. ЦК ВСРП принял постановление о политике в области литературы. Теоретическая деятельность Лукача получила в нем осуждение, хотя и в самом общем виде. Вместе с тем ответственность за "извращения" в литературной политике предшествующего периода решили разделить между "ревизионистом" Лукачем и "сектантами".

[62] РГАНИ. Ф.5. Оп.36. Д.95. Л.116. О влиянии Лукача на часть немецких литераторов говорилось и в других документах по линии Союза писателей. Так, в справке о положении в литературной жизни ГДР, подготовленной Иностранной Комиссией Союза писателей СССР (1960 г.), указывалось, что "широкое хождение среди писателей ГДР получили ревизионистские взгляды венгерского литературоведа Лукача, отрицавшего по существу классовый характер искусства и литературы, ведущую роль партии в вопросах культуры и умалявшего значение метода социалистического реализма" (Там же. Д.123. Л.179).

[63] Часть этих работ см.: Lukács György. Curriculum vitae. Bp., 1982.

[64] Поскольку Д.Лукач "не извлек для себя никаких выводов из того, что произошло в Венгрии и лично с ним и продолжает по-прежнему свою враждебную деятельность", ЦК ВСРП собирается на страницах печати организовать ряд новых выступлений против Лукача и его сторонников, говорил 5 мая 1959 г. советским дипломатам Ю.Чернякову и В.Крючкову зав. отделом агитации и пропаганды ЦК ВСРП И.Сирмаи (РГАНИ).

[65] Как говорил Крючкову другой венгерский партийный функционер, "Лукач своей деятельностью уже заслужил того, чтобы быть арестованным. Однако венгерские товарищи не считают целесообразным прибегать к такой санкции в отношении Лукача, дабы не вызвать шумихи на Западе" (Там же).

высоких абстракций на пропагандистский жаргон, доступный многотысячной аудитории. Споры о том, в какой форме целесообразнее подвергнуть Лукача критике, насколько глубоко следует вникать в философские и эстетические материи и что конкретно вменить философу в вину, продолжались на заседаниях Политбюро ЦК ВСРП не один час. Судя даже по самым скупым протокольным записям, Кадар был раздражен, плохо представляя, как решить "проблему Лукача" без ущерба для авторитета партийного руководства. В конце концов пришли к выводу о том, что известного философа в политическом плане надо осудить прежде всего как сторонника примирения коммунистической и буржуазной идеологий, приверженца внеблоковой политики (согласно политической фразеологии того времени, "титоиста"). Между тем, в отличие от самого Я.Кадара, поддержавшего в том вопросе И.Надя 1 ноября 1956 г., Д.Лукач однозначно и последовательно выступал против выхода Венгрии из Организации Варшавского договора. Это обстоятельство не могло не придать особой пикантности всему процессу обсуждения "дела Лукача" на Политбюро. Тезис о том, что Лукач был сообщником Имре Надя, в результате был отвергнут, предпочтение отдали другой формуле – о роли взглядов Лукача в идейной подготовке "контрреволюции" [66]. Что же касается эстетики, то здесь, как уже говорилось, критика шла в основном по накатанной колее, за образец в целом брался сценарий 1949 года.

Апофеозом международной критической кампании явился выход в 1960 г. в ГДР сборника "Лукач и ревизионизм", включившего труды советских, восточногерманских и венгерских философов и литературоведов [67]. По иронии судьбы его выпустило то же самое издательство "Ауфбау", которое до 1956 г. особенно активно пропагандировало творчество Лукача для немецкоязычной аудитории, а в 1955 г. опубликовало солидный юбилейный сборник к 70-летию философа [68]. Книга 1960 г. "Лукач и ревизионизм" была обращена прежде всего к западной аудитории и не могла не найти отклика. В ней увидели одно из характерных свидетельств того, что марксистская (в том числе литературоведческая) мысль, в 1956 г. пытавшаяся хоть ненамного высвободиться из сковывающих ее пут сталинского догматизма, вновь постепенно возвращается на привычные рельсы жесткой ортодоксии [69].

Между тем, уже в том же 1960 г. стало очевидным, что критика Лукача вскоре пойдет на спад – просто потому, что уже не было смысла мусолить изо дня в день одни и те же "аргументы" в пользу причастности Лукача к ревизионистскому лагерю. Новую пищу для критики могли дать оказавшиеся как нельзя кстати первые разделы "Эстетики", переданные философом в Президиум Венгерской Академии наук 2 марта 1960 г. [70]. Однако задача дать сколько-нибудь квалифицированную оценку фундаментальному эстетическому труду, написанному на немецком языке, превосходила силы агитпропа ВСРП. Не удивительно, что чтение затянулось, так что Лукач был вынужден обратиться летом 1960 г. в ЦК ВСРП с письмом, в котором жаловался на то, что обречен не по своей воле в родной Венгрии на духовную изоляцию. Однако главное философ видел не в этом, а в том, что нарушение

---

[66] См.: Kalmár M. Lukács és a koegzisztencia (1956-1960) // Beszélő. Bp., 1997, N.7.

[67] Georg Lukács und der Revisionismus. Eine Sammlung von Aufsatzen. Hrsg. v. Hans Koch. Berlin, Aufbau, 1960. Среди других программных выступлений идеологов СЕПГ, направленных против Лукача, см. статьи А.Абуша, например: Lukacs revisionistischer Kampf gegen die sozialistische Literatur // A.Abusch. Kulturelle Probleme des sozialistischen Humanizmus. Berlin, 1962.

[68] Georg Lukács zum 70. Geburtstag. Berlin, 1955.

[69] См.: Lukács-recepció Nyugat-Európában (1956-1963). Bp., 1983.

[70] К этому времени договоры на публикацию этой работы уже были подписаны с издательствами 3 стран – Западной Германии, Италии и Польши. Между тем, философ решил не отсылать своей рукописи за рубеж без предварительного разрешения руководящих инстанций. Получив от Лукача текст, Венгерская Академия наук не нашла ничего другого, кроме как переадресовать его в ЦК ВСРП.

договора с иностранными издательствами ударяет по репутации венгерского правительства[71].

Дело, несомненно, осложнялось тем, что вопреки всем усилиям инициаторов интернациональной дискуссии, увенчавшейся выходом книги "Лукач и ревизионизм", в вопросе об отношении к венгерскому литературоведу и философу не было должного единодушия среди идеологов "братских" партий. В Польше, где попытки привить марксизм на национальную почву терпели наиболее явную неудачу, партийные функционеры решили, что публикация поздней эстетики Лукача, способной вызвать некоторый профессиональный интерес либеральных и католических интеллектуалов, может пойти лишь на пользу коммунистической идеологии. Поскольку речь шла об издании эстетической работы, далекой от злободневной политики, идеологи ПОРП не устояли перед соблазном сделать книгу Лукача витриной современного марксизма, сочтя надуманными опасения, что лукачевская эстетика способна выступить в роли "троянского коня", пролагающего дорогу "классово чуждым" взглядам (через несколько лет по тому же самому пути пошли идеологи ВСРП во главе с Д.Ацелом и только во второй половине 1980-х годов идеологи КПСС). Заботой о конкурентоспособности марксизма в споре с иными идеологиями диктовалось и отношение к Лукачу в итальянской компартии, где критика венгерского философа развития не получила.

Кадаровское руководство, зная об инициативе польских и итальянских коммунистов издать в своих странах "Своеобразие эстетического", должно было в полной мере учитывать это обстоятельство при определении судьбы обширной рукописи. Безусловно, оно не только не хотело вступать в дискуссию с братскими партиями, но и вообще не было заинтересовано в том, чтобы на Западе муссировались слухи о возникших в коммунистическом лагере разногласиях в отношении к Лукачу. Тем более, что в этом случае Кадар должен был оказаться в мало импонировавшей ему роли крайнего догматика и ортодокса. С другой стороны, разрешение на публикацию новой книги Лукача в момент, когда еще не завершилась массированная критическая кампания против него, могло быть воспринято в СССР и ГДР как проявление непоследовательности, отсутствие надлежащей твердости в отстаивании своей линии. Трудно было также предсказать, каким окажется международный отклик на новую работу Лукача, остававшуюся для руководителей ВСРП "котом в мешке"[72].

Среди прочего на Политбюро обсуждалось заявление Лукача с протестом, что его обрекают на духовную изоляцию. Дабы философ так не считал, ему было предложено покинуть Венгрию, переехав на постоянное жительство в любую капиталистическую страну по собственному усмотрению. Лукач, до сведения которого было сразу доведено подобное предложение, резко его отверг, почувствовав себя оскорбленным. Как и ранее, он считал себя прежде всего венгерским философом и хотел провести остаток дней на родине, трудясь над реализацией тех своих замыслов, которые пока еще не были воплощены. Кадар и его окружение не возражали.

В конце концов, после длительного обсуждения решено было не препятствовать изданию книги за рубежом и одновременно начать перевод немецкоязычной рукописи на венгерский язык в целях публикации ее дома. По сути дела это означало завершение трехлетней антилукачевской кампании. Она постепенно затухает. Эволюция кадаровского режима в 1960-е годы к большему либерализму и открытости не могла не отразиться на отношении к Лукачу. Это проявилось в публикации в Венгрии в середине 1960-х годов не только "Своеобразия эстетического", но и некоторых других его работ.

---

[71] См.: См.: Kalmár M. Lukács és a koegzisztencia (1956-1960).

[72] Сам Лукач, настаивавший на строгом соблюдении договорных обязательств перед зарубежными издательствами, вообще (к немалому раздражению власть имущих) даже не ставил вопроса о публикации книги в Венгрии. К переводу рукописи на венгерский язык приступили несколько позже.

Весной 1965 г. посольство СССР в Венгрии информировало Москву о планах венгерского партийного руководства отметить 80-летний юбилей Лукача [73]. Вопрос этот стал предметом обсуждения в аппарате ЦК КПСС. В записке от 31 марта, подписанной зам. зав. Идеологическим отделом ЦК КПСС Д.Поликарповым и инструктором отдела Ю.Кузьменко, была дана "партийная" оценка роли Лукача как литературоведа и эстетика: "особенность позиции Лукача в настоящее время состоит в том, что он выступает противником как социалистического реализма, так и модернизма, объявляя высшим достижением художественной мысли XX века критический реализм. В связи с этим Лукач подвергается критике с разных, подчас диаметрально противоположных позиций. В советской печати он осуждается за ревизию ряда принципиальных положений марксистской эстетики, прежде всего принципа партийности искусства. Э.Фишер, Р.Гароди, П.Дэкс видят в Лукаче догматика, не способного понять значение художественного вклада "авангардистского" искусства, преодолеть границы нормативной эстетики. Буржуазная пресса, приветствуя отрицание Лукачем художественной ценности искусства социалистического реализма, критикует его за "непоследовательность", за то, что он еще "слишком марксист" [74]. В записке не обошли стороной и роли философа в "идейной подготовке контрреволюционного путча 1956 года", было отмечено также, что, проживая в Венгрии, Лукач "ведет себя как независимый "общеевропейский" деятель, предпочитающий в основном публиковать свои работы и эстетического, и политического характера в западногерманских буржуазных издательствах". В ЦК КПСС пришли к выводу: "неверное политическое поведение и ошибочные концепции Г.Лукача, имя которого связано с ревизией основ марксистской эстетики, не дают оснований отмечать его юбилей в советской печати" [75]. Редакциям "Правды", "Литературной газеты", журнала "Вопросы литературы" было сообщено о нецелесообразности публиковать какие-либо материалы в связи с юбилеем Лукача.

Таким образом, именно к 1965 г. обозначилось расхождение позиций двух партий – КПСС и ВСРП – в отношении к Лукачу. Если в Венгрии творчество Лукача признается (хотя и с оговорками) частью марксистской парадигмы, в СССР критика его "ревизионистской" эстетики, затихнув к середине 1960-х годов, сменилась многолетним замалчиванием его работ[76]. Правда, новое поколение советских литераторов ("шестидесятники", в то время в большинстве своем еще верные идее "социализма с человеческим лицом") пытается прорвать завесу умолчания. Представители журнала "Новый мир" В.Лакшин, И.Виноградов и др. не только пытались установить некоторую преемственность своего направления литературно-критической мысли определенным образом интерпретированным традициям довоенного журнала "Литературный критик", но и интересовались современным творчеством Лукача. Вполне естественно, что посетив в середине 1960-х годов Будапешт, В.Лакшин не упустил возможности познакомиться с крупным венгерским литературоведом

---

[73] На юбилей Лукача и вышедшее в те же месяцы венгерское издание "Своеобразия эстетического" откликнулись многие венгерские издания. В публикациях воздавалось должное заслугам Лукача в развитии марксистской эстетики, теории реализма, в критике буржуазной философии. Поскольку формальное примирение философа и партии пока еще не произошло, вопрос о политическом лице Лукача, как правило, обходился стороной. Что касается эстетики Лукача (и его теории литературы как части эстетики), то за ними в Венгрии начиная с 1964-1965 гг. безоговорочно признавалось право на существование в рамках марксистской парадигмы.

[74] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Д. 140. Л. 134.

[75] Там же.

[76] Были, впрочем, и исключения из правила: завесу умолчания удавалось прорывать. См., например: Апресян З.Г. Разработка эстетического наследия Маркса и Энгельса в 30-х годах // Вопросы философии, 1966. № 9. С. 36 – 47. Как говорилось в статье, «годы с 1930 по 1940-й были временем очень интенсивного изучения эстетического наследия основоположников марксизма; они удивительно богаты научными результатами» (Там же. С. 36). В статье получили высокую оценку работы Лукача и Лифшица, в том числе статья Лукача «Маркс и Энгельс в полемике с Лассалем по поводу «Зикингена»».

и философом [77]. О понимании Лукачем социалистического реализма речь заходила и во время бесед литераторов двух стран в ходе поездки делегации венгерских писателей в СССР весной 1965 г. – хозяева встречи неизменно проявляли интерес к аутентичным, нефальсифицированным взглядам того, кто всего за несколько лет до этого выступал одним из главных персонажей шумных антиревизионистских кампаний [78]. Концепция Лукача, называвшая путеводной звездой современной социалистической литературы творчество А.Солженицына, именно потому и была притягательна для фрондирующей части литераторов, что шла явно наперекор тем доминировавшим представлениям о сути социалистического реализма, которые исключали глубокий критический анализ современной действительности. При всей подчеркнутой марксистской ортодоксальности позднего Лукача, при всей его последовательной приверженности социалистическому выбору и достаточной лояльности "реальному социализму", сложившемуся в СССР и странах Восточной Европы, творчество выдающегося венгерского философа не могло не внушать подозрений блюстителям идеологической чистоты со Старой площади. Один из столпов официозного литературоведения брежневской эпохи А.Дымшиц был по-своему прав, когда в 1968 г. писал в ЦК о том, что теория реализма Лукача расчищает пути "односторонне критическому направлению, наиболее отчетливо представленному у нас в ряде произведений, напечатанных в журнале "Новый мир" (где, кстати сказать, ученики Лукача, а также и ученики его учеников, обладают весьма определенным влиянием)" [79].

Что же касается Венгрии, то сохранявшаяся неурегулированность вопроса о партийности Лукача [80] заведомо блокировала все возможные попытки властей использовать авторитет всемирно известного философа-марксиста в целях пропаганды преимуществ марксизма в споре с иными идеологиями, а такая задача осознавалась в верхах все более насущной по мере относительной либерализации кадаровского режима, усиления в его политике установки на диалог с венгерской интеллигенцией (пускай и в строго определенных пределах). Лукач, отнюдь не склонный к каким-либо самокритическим жестам, также со своей стороны стремился к примирению с партией, поскольку убеждался в способности руководства ВСРП к обновлению своего курса. 15 августа 1967 г., рассмотрев новое заявление Лукача, Политбюро ЦК ВСРП приняло положительное решение по вопросу о его партийности, выразив одновременно надежду, что в последующем философ будет пресекать все попытки использовать свое имя при внесении "сумятицы" в духовную жизнь и, напротив, своей работой окажет ценную помощь партии и рабочему движению. Никакой самокритики от Лукача не потребовали [81].

---

[77] Лакшин В.Я. Воспоминания о Дьерде Лукаче // Иностранная литература. 1988. N.7. С.231.

[78] РГАНИ. Ф.5. Оп.36. Д.150. Л.47.

[79] Дымшиц обратил также внимание на то, что «в последнее время заметна явная активизация учеников и соратников Г. Лукача в пропаганде личности и трудов своего патрона». Записка А.Дымшица в ЦК КПСС 14 октября 1968 г. в ответ на запрос об отношении к творчеству Д.Лукача. РГАЛИ. Ф.2843. Оп.1. Д.652. Л.76. Речь шла о М.Лифшице, на протяжении десятилетий входившем в ближайшее окружение А.Твардовского, члене редколлегии "Нового мира" 1960-х гг. И.Саце, знавшем Лукача по 1930-м годам (оба они сотрудничали в журнале "Литературный критик), об ученике Лифшица И. Виноградове и т.д. См.: Дьердь Лукач: взгляд из Москвы (1968 г.) (Публикация, предисловие и комментарии А.Стыкалина) // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. III. М. - Ставрополь, 2007. С.184-200.

[80] "По-прежнему трудным остается вопрос о Лукаче", – так охарактеризовали ситуацию на встрече с советскими литераторами члены делегации Союза венгерских писателей, посетившие Москву весной 1965 г. (РГАНИ. Ф.5. Оп.36. Д.150. Л.47). В феврале 1964 г. при посещении Союза писателей СССР Дьердь Ацел (в то время министр культуры ВНР) говорил о том, что книги Лукача по эстетике готовятся к печати: «будем обсуждать и спорить». Отвечая же на вопрос о перспективах восстановления Лукача в партии, он заметил: «если он захочет, пусть просит – вот наша позиция. Просить мы никого не станем» (Там же. Оп. 55. Д. 103. Л. 43-44).

[81] За полтора месяца до обсуждения "проблемы Лукача" на венгерском Политбюро в Праге состоялся IV съезд чехословацких писателей, где реформаторски настроенная часть литераторов активно заявила о себе

Если в Венгрии в отношении к Лукачу с середины 1960-х годов происходят некоторые позитивные подвижки, то в ГДР ситуация была совершенно иной. Идейное брожение, развернувшееся среди польской и чехословацкой художественной интеллигенции, заставило власти Восточной Германии принять некоторые превентивные меры в целях нейтрализации нежелательного влияния. Лукач снова был востребован в роли одной из основных мишеней в ходе очередной антиревизионистской кампании [82]. Идеологические органы ГДР считали критику Лукача тем более актуальной, что к середине 1960-х годов заметно активизируется издание и переиздание его работ в ФРГ и Западном Берлине издательствами "Лухтерханд" и "Ровольт" (как правило, в расчете на интеллигенцию по обе стороны берлинской стены). Внимательно следивший за этой литературой А.Дымшиц имел все основания заметить в записке, адресованной в ЦК КПСС, что "проживая в Венгрии, Лукач действует главным образом в так называемом "западном мире"" [83]. "Пражская весна" 1968 г., когда средства массовой информации в течение считанных недель фактически вышли из-под партийного контроля, только усилила озабоченность восточногерманских лидеров развернувшимся широким фронтом "ревизионистским" наступлением. В марте 1968 г. на встрече руководителей стран-участниц Варшавского договора в Дрездене, посвященной положению в Чехословакии, В. Ульбрихт с "железобетонным" упорством "прусского унтера" (как называл его еще Л. Берия) продолжал выискивать в Праге идеологическую крамолу, одновременно принимая меры для установления железного занавеса уже не только на западной, но и на южной границе ГДР.

Восстановление Лукача в ВСРП не вызвало в Москве большого резонанса. Иначе обстояло дело с его откликом на события 1968 г. в Чехословакии. В условиях начатой в январе 1968 г. экономической реформы в сознании венгров доминировали оптимистические ожидания и питательной почвы для широкой оппозиции режиму в стране не было. Не дожидаясь, однако, пока в венгерском обществе прорастут семена политического плюрализма, опытный Я.Кадар принимал все же меры по нейтрализации "нежелательных" взглядов. К последним можно было отнести и некоторые положения, звучавшие в выступлениях Лукача. В феврале 1968 г. Комиссия ВСРП по агитации и пропаганде специально занялась теоретической и общественной деятельностью крупного философа и критика. Повод для озабоченности дали не столько эстетические и литературно-критические выступления, сколько опубликованный в 1967 г. в Гамбурге сборник "Беседы с Георгом Лукачем" западногерманских политологов Ганса-Гейнца Гольца, Лео Кофлера и Вольфганга Абендрота [84] и интервью, которое под броским заголовком "СССР – это не типично" было опубликовано сразу в нескольких зарубежных изданиях – в Западной Германии, Чехословакии, Югославии. Комиссия ВСРП в своем постановлении отметила, что

призывами к свободе творчества, налаживанию более тесных контактов с западной культурой. Опасаясь, что восстановление Лукача в партии в данный момент сыграет на руку тем венгерским литераторам, которые были готовы воспринять импульсы, исходящие из Праги, как сигнал к самостоятельным действиям, Политбюро ЦК ВСРП решило не предавать свое постановление гласности. Об окончательном примирении философа с кадаровским режимом многие тысячи венгров могли узнать из интервью Лукача главной партийной газете "Непсабадшаг", опубликованного в ней 24 декабря 1967 г.

[82] В ГДР в это время вновь актуализируется критика 1958-1959 гг., переиздаются некоторые работы того времени. См., в частности: Lukacs'revisionistischer Kampf gegen die Sozialistische Literatur (1958) // A. Abusch. Kulturelle Probleme des sozialistischen Humanizmus. Berlin, Aufbau-Verlag, 1967, S. 323-335.

[83] РГАЛИ. Ф.2843. Оп.1. Д.652. Л.72. Записка А.Дымшица в ЦК КПСС от 14 октября 1968 г. (Там же. Л.69-80) была составлена по поручению идеологических органов КПСС, заинтересовавшихся позицией Лукача как едва ли не наиболее крупного живущего теоретика-марксиста в связи с чехословацкими событиями 1968 г. Документ опубликован: Дьердь Лукач: взгляд из Москвы (1968 г.) (Публикация, предисловие и комментарии А.С. Стыкалина) // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. III. М. - Ставрополь, 2007. С.184-200.

[84] Gespräche mit Georg Lukács. Hamburg, 1967.

выступления Лукача начиная с 1965 г. складываются в определенную концепцию, в которой наряду с "правильными" присутствуют и спорные моменты – преувеличение специфичности советского пути развития и недооценка опыта СССР для стран, строящих социализм, применение категории "сталинизм", чересчур негативистская оценка пройденного Венгрией в последние десятилетия исторического пути, "чрезмерный" акцент на опасности бюрократизма, выхолащивающего, по его мнению, социалистическое содержание общественных процессов в СССР и странах "народной демократии"; применительно к эстетике понимание социалистического реализма как критического реализма современной эпохи. Публичной критики решили не затевать, хотя до Лукача и было доведено официальное мнение об односторонности или несвоевременности некоторых его политических заявлений, лишь отвлекающих его от работы над более "нужными" партии трудами с критикой буржуазной философии, а также по эстетическим проблемам. Впрочем, элемент заочной полемики с Лукачем присутствовал в ряде выступлений идеолога ВСРП Д.Ацела за 1968 г. Дистанцируясь от некоторых заявлений Лукача в беседах с иностранными журналистами и политологами, руководство ВСРП в то же время в большинстве случаев не препятствовало их публикации в Венгрии, понимая, что отсутствие у венгерской публики информации будет только способствовать ажиотажу вокруг Лукача [85].

Известие о военном вмешательстве в Чехословакии 21 августа Лукач встретил негативно, не делая секрета из своей позиции, которая сразу стала известна на Старой площади как из донесений посольства СССР в Венгрии, так и из записок Иностранной Комиссии Союза писателей СССР. Вследствие этого критика Лукача проникает в прессу. Так, 30 октября 1968 г. в "Литературной газете" была опубликована статья А.Дымшица "Корни и плоды Эрнста Фишера" с красноречивым подзаголовком "Австрийский писатель, именующий себя "марксистом", выступает в роли пособника империалистической пропаганды". Упоминался в ней и Лукач – в весьма негативном плане [86].

Появление во влиятельной советской газете статьи Дымшица со слишком жесткой трактовкой Лукача с недоумением было встречено в Будапеште лицами, причастными к культурной политике ВСРП. Ведущий венгерский официозный литературовед Иштван Кирай 3 ноября посетил советское посольство по просьбе главного идеолога партии Дьердя Ацела, обратив внимание собеседника-дипломата на лояльное поведение Лукача в дни событий, его категорический отказ выступить с критикой акции стран Варшавского договора со страниц западной печати [87]. Запись беседы была направлена главному редактору "Литературной газеты" А.Чаковскому, который отреагировал на претензии венгерской стороны в письме секретарю ЦК КПСС П.Демичеву от 8 декабря. По мнению Чаковского, "строить свое отношение к тому или иному деятелю на основании того, что этот деятель НЕ СДЕЛАЛ, "Литературной газете" трудно. Трудно хотя бы потому, что за тем, что человек ДЕЛАЕТ, можно следить по всем доступным источникам. За тем, чего он НЕ ДЕЛАЕТ – уследить трудно". Так что у "Литературной газеты", с точки зрения Чаковского, "не было никаких ЗРИМЫХ оснований оберегать Лукача от критических замечаний". В то же время у нее были основания делать эти замечания, учитывая “неприемлемое отождествление” Лукачем "искажений культа личности" со строительством социализма, другие вредные, по его мнению, положения, охотно перепечатывавшиеся органами чехословацких писателей

---

[85] Так, в майском номере литературного журнала "Кортарш" было опубликовано его интервью по проблемам мирного сосуществования, прежде вышедшее за рубежом и имевшее резонанс.

[86] Как писал, в частности, А.Дымшиц, "в книге "Искусство и сосуществование", целиком повторяя старые и давно разбитые "аргументы" Георга Лукача, Фишер тщится доказать, будто знаменитая статья В.И. Ленина "Партийная организация и партийная литература" обращена только к партийным публицистам и не имеет отношения к проблемам художественного творчества". В той же статье речь шла о том, что Фишер заимствовал у Лукача противопоставление "трибунов" и "бюрократов" (имелась в виду известная статья Лукача конца 1930-х годов "Народный трибун или бюрократ?").

[87] См. запись беседы: РГАНИ. Ф.5. Оп.60. Д.25. Л.222-224.

"Литерарни новины" и "Литерарни листы", во главе которых стояли "ревизионисты". Не возражая в принципе против выраженного Кираем замечания о том, что "по наиболее важным вопросам идеологии, касающимся двух партий, нам следовало бы более четко координировать свои выступления", Чаковский, который на протяжении всей своей длинной карьеры журнально-газетного редактора научился, что называется, держать нос по ветру и умел чутко реагировать на малейшие изменения политической конъюнктуры, резюмировал следующее: "Мне представляется, что если в той или иной стране отношение к деятелю столь устойчиво одиозной репутации как, например, Лукач меняется, причем меняется "негласно", то обязанностью посольства является СВОЕВРЕМЕННОЕ извещение об этом ЦК, аппарат которого, в таком случае, обычно дает необходимые ориентировки органам печати" [88]. Эти слова хорошо передают некоторое недоумение советского идеологического истеблишмента в связи с начавшимся с середины 1960-х годов изменением официального отношения к Лукачу в Венгрии, причем явная неготовность и нежелание следовать примеру венгерских коллег в деле переоценки Лукача сочетались со стремлением избежать открытых межпартийных разногласий.

Учитывая изменившееся отношение к Лукачу руководства ВСРП, в Москве решено было не развивать публичную критику венгерского философа в рамках крупномасштабной антиревизионистской кампании осени 1968 г., направленной на нейтрализацию влияния реформаторских идей "Пражской весны" на умы советской интеллигенции. Вместе с тем позиция, занятая Лукачем в августе 1968 г., лишь укрепила настороженное к нему отношение официальной Москвы, которая и в 1970-е годы не была склонна идти вслед за более либеральным режимом Кадара в переоценке всей деятельности крупного философа и литературоведа. Все-таки в начале 1970-х годов часть советских идеологов придерживалась мнения о том, что "было бы неправильно целиком отдавать литературно-философское наследие Г.Лукача в руки реакционеров и ревизионистов". Строились планы публикации тех его работ, которые были сочтены "более зрелыми в марксистском отношении, хотя и небезошибочными" [89]. Имеющиеся документы не позволяют дать конкретный ответ на вопрос, почему эти планы так и не были реализованы вплоть до второй половины 1980-х годов, "эпохи Горбачева". Очевидно лишь одно: при обсуждении проблемы Лукача в советских идеологических органах сталкивались различные позиции и в результате возобладала точка зрения тех, кто подобно А.Дымшицу, считал пропаганду творчества венгерского философа и литературоведа принципиальной уступкой ревизионизму или, по меньшей мере, делом несвоевременным ввиду сложностей идеологической борьбы. Инерция отношения к Лукачу как к уклонисту и ревизионисту настолько прочно въелась в сознание идеологов КПСС, что не только препятствовала свежему взгляду на его труды, но и блокировала может быть тщетные, но вполне логичные попытки более дальновидных "работников идеологического фронта" посредством интеграции наследия позднего Лукача в официальную теорию социализма хотя бы в незначительной степени повысить конкурентоспособность марксизма в споре с иными идейными течениями. Характерно, что даже весной 1985 г., когда во всем мире отмечался 100-летний юбилей философа, в идеологических отделах ЦК КПСС составлялись записки о том, что чрезмерное "выпячивание" Лукача ведет к принижению роли "ленинского этапа" в развитии марксистской философии. Эта мысль отчетливо прозвучала и в санкционированной

---

[88] См. письмо А.Чаковского П.Демичеву: Там же. Л.225-227.

[89] См. записку Академии общественных наук при ЦК КПСС от 31 марта 1972 г. "Об анализе концепций и взглядов Георга (Дьердя) Лукача": Там же. Ф.4. Оп.20. Д.829. Л.51-58. Заслуги Лукача признавались и в довольно уважительном некрологе, опубликованном журналом "Вопросы философии" (1971. N.11). На венгерском языке записка опубликована: Multúnk, 2001. № 4.

инстанциями юбилейной статье Б.Бессонова и И.Нарского в "Вопросах философии" (1985. N.3).

Если в окружении журнала "Новый мир" А.Твардовского ценили Лукача как защитника современного критического реализма, а партийные идеологи считали его правым ревизионистом, то уже с конца 1960-х годов в отношении к нему среди части литераторов и философов все более проявлялся совсем иной подход. Можно много, конечно, говорить о несозвучии представлений Лукача о модернизме и авангарде стремлению талантливых советских и восточноевропейских писателей (особенно более молодых поколений) к расширению выразительных возможностей художественного слова, освоению творческого опыта современных западных литератур. Не удивительно, что венгерского философа все чаще пытались представить как твердокаменного догматика, не способного в силу своей идейной заскорузлости оценить многих новейших явлений в мировой литературе. При этом, как явствует из вышеупомянутой записки Дымшица, с критикой Лукача за узость эстетических взглядов и, в частности, понимания критериев реализма еще в 1968 г. были охотно готовы согласиться, исходя из сугубо прагматических соображений, и некоторые из тех советских (как и венгерских, восточногерманских) ортодоксов, которые, ссылаясь на трактовку Лукачем Солженицына как выдающегося мастера критического реализма современной эпохи, в первую очередь продолжали обвинять его в "правом ревизионизме".
Такая двойственная, непоследовательная позиция может быть объяснима той эволюцией, которую претерпевала в годы брежневского правления официально признанная советская эстетика. В 1970-е годы узконормативные трактовки социалистического реализма становятся в СССР анахронизмом, их сменяет довольно аморфное понимание соцреализма как творческого метода, объемлющего едва ли не весь "разрешенный" литературный процесс в социалистических странах и при этом не обладающего сколько-нибудь четко определенной системой формально-стилевых критериев. Причем в теоретических спорах по проблеме социалистического реализма сталкивались две взаимоисключающие тенденции. С одной стороны, за социалистическим реализмом признавалась все большая открытость, способность вбирать в себя художественный опыт иных литературных направлений, с другой стороны, декларируемая открытость метода отнюдь не была беспредельной: критика Роже Гароди за "реализм без берегов" оставалась в силе вплоть до 1980-х годов. Важно заметить, что некоторая рыхлость, размытость представлений о критериях реализма в искусстве как такового, присущая в 1970-е – начале 1980-х годов наиболее распространенным и официально признанным интерпретациям соцреализма в СССР и других странах социалистического лагеря (кроме Польши, где само это понятие было после 1956 г. фактически отринуто официальной идеологией), в корне отличала их от концепции Лукача, которая в силу своей сохранявшейся гносеологической заостренности последовательно признавала антиномию "реализм – антиреализм", хотя, как правило, и не сводила реалистический метод к каким-то строго определенным формально-стилевым канонам – здесь достаточно напомнить о его концепции творчества Томаса Манна, об отношении к Гофману, Г.Гейне, Э.Ади. Как бы там ни было, следует признать: ригоризм Лукача в трактовке проблем реализма и мифотворчества был не очень-то созвучен не только литературному процессу в его объективной данности, но и новым веяниям в культурной политике СССР, где уже с конца 1960-х гг. в рамках официальной идейной парадигмы постепенно происходил поворот к более широкому и дифференцированному взгляду на зарубежную культуру новейшего времени (тем более, что обратной стороной медали в этом процессе явилось то, против чего всегда решительно выступал Лукач, никогда не отождествлявший политическую толерантность с идейным компромиссом – для него совершенно были неприемлемы размытость критериев реализма как метода отношения искусства к действительности, эклектика и произвол в интерпретации современного художественного процесса во всем его идейно-стилевом многообразии).

Для того, чтобы, отрешившись от привычных пропагандистских стереотипов, составить собственное впечатление о Лукаче, советскому читателю было достаточно самому

взять в руки любую фундаментальную философскую или эстетическую работу Лукача. Такой возможности у него, однако, долго не было. Публикация ряда крупных, причем последовательно марксистских трудов Лукача ("Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества", "Своеобразие эстетического", "К онтологии общественного бытия") была предпринята в СССР лишь в конце 1980-х годов. Но к этому времени авторитет марксизма в сознании отечественной гуманитарной интеллигенции упал почти до нулевой отметки, так что выход работ Лукача явился, к сожалению, в известном смысле холостым выстрелом.

Думается, однако, в процессе восприятия творчества Лукача российской интеллигенцией рано ставить точку, о чем свидетельствуют выход в 1990-2000-е годы "Теории романа", "Истории и классового сознания", ряда других работ Лукача и отнюдь не уменьшающееся число публикаций о нем. Наследие Лукача очищается от конъюнктурных политико-идеологических наслоений, становится предметом объективного, профессионального изучения как достояние истории философской и литературоведческой мысли XX века.